

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

Ведьмы

Холодного

острова ➤

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ

ДЕТЕКТИВНЫЙ

РОМАН

Дмитрий Агалаков

Ведьмы Холодного острова

«Издательство АСТ»

2020

Агалаков Д. В.

Ведьмы Холодного острова / Д. В. Агалаков — «Издательство АСТ», 2020

Юля Пчелкина с группой студентов-археологов приезжает в пригород Семиярска на раскопки. Тут обнаружили древнее языческое святилище, в котором тысячу лет назад совершались человеческие жертвоприношения. Рядом, в середине затянутого туманом озера, есть остров, на котором всегда жили отшельницы – рыжеволосые ведьмы. В первый же день Юля подслушивает разговор аспирантов и своего профессора. Однажды ночью аспиранты увидели женщину с распущенными волосами – она подходила к их лагерю, но они спугнули ее. Профессор Турчанинов требует, чтобы аспиранты не распространяли дикие слухи среди молодежи. Лагерь археологов начинает жить своей жизнью с находками и любовными романами, пока не пропадает одна из студенток – красавица Жанна. А когда ее находят, то видят, что у девушки вырезано сердце... Юля и ее новые друзья, охотник Кирилл Белозерский по прозвищу Следопыт и старый чудака-архивариус Феофан Феофанович Позолотов берутся раскрыть это чудовищное злодеяние.

© Агалаков Д. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дмитрий Агалаков

Ведьмы Холодного острова

– В тот день войско числом более тысячи обступило Русалочье озеро. Другие стрельцы уже вязали местных жителей. И хотя те клялись, что сами боятся такого соседства, им не верили! А может, и правильно, что не верили. Мало ли что вам скажут злоумышленники днем. В ягнят превратятся, а ночью – и нож в бок, и клыки в шею! Послушайте, я прочитаю вам из записок путешественника и царева слуги Махровцева: «У местных и выпытали, что верховодит островом ведьмак огромной силы, видом как цыган. Огромный, косматый, с темной кожей, с серьгой в ухе. По имени Щерь. Его в окрестных сёлах не раз видали. Иные шептались, что сам дьявол поселился у них, выбрал их землю для постоя. Когда Щерь проезжал по рынкам, ему все за так выкладывали. Бери – не хочу! А он еще нос воротил! Самое лучшее отдавали. Таким его видели днем, а кем он обращался ночью? Говорили, и медведем, и волком, и сомом-великаном. Ревом и воем наполнилась земля ночами вокруг острова! Однажды некая женщина бросилась к Щерю в ноги и закричала: „Отдай Алёнушку, дочку мою! Верни мне кровиночку!“ У женщины той пропала два года назад дочь, и люди говорили, что видели эту дочь вблизи Русалочьего озера. А Щерь ей и ответил: „У тебя еще две дочки осталось. Мало тебе?“ И женщина отошла от него, потому что поняла, куда клонит ведьмак. Ведь он может забрать и других ее дочерей!.. Пищальники царские, присланные взять Щеря под стражу, в страхе разбежались, когда ведьмак им сказал: „Свинец ваш, охотники, к вам сейчас и вернется!“ И страшно захохотал, и ответили ему и быки мычанием, и ржанием лошади, и собаки залаяли, и свиньи захрюкали. Точно понимали его! Как такое окаянство терпеть можно было?..» – Глаза старого архивариуса Позолотова устрашающе вращались за толстыми линзами очков. Казалось, он сам вот-вот взлетит и станет кружить по своей гостиной, заваленной книгами, над головами запуганных им гостей. – Так вот, на плотках и лодках, – уже от себя продолжал Позолотов, – которые стащили к озеру, стрельцы поплыли к Холодному острову через туман... Лодки и плоты прошли завесу, и воевода увидел чудесный зеленый остров. Прямо-таки райское место! А потом показалось и другое – избушки на курьих ножках! Избы на сваях, потому что весной остров-то подтопляло! А приказ был воеводе таков: остров окружить и сжечь. И всех, кто там живет, перебить. Никого в плен не брать. И останки тоже сжечь и закопать, и святой водой окропить всю эту землю! На острове, по подсчетам царевых слуг, жило-поживало около полусотни ведьмаков да ведьм, и тех, кого они околдовали и силой уволокли, в рабство безраздельное взяли. – Положив руку на свой фундаментальный труд, Позолотов приготовился к самой увлекательной части рассказа. – Тысяча человек уже высадилась и обступила остров, у половины в руках факела, вот-вот подожгут они остров со всех концов!.. И тут стрельцы увидели, как из лесочка вырвалась и заметалась по берегу собачья стая. Это и понятно, звери бегут прочь от огня! Тут стая сорвалась с берега – и в воду! И поплыла к большой земле. Понятно, стрельцам не до собак. Они бросились с пищальями, мечами да копьями в дома, заглянули под каждый куст. Везде искали схроны, а нет никого! Пуст ведьмин остров! И тут у воеводы сердце екнуло. Что такое? Вспомнил он: возжак у той собачьей стаи был – здоровенный черный патлатый пёс. И когда уже стая плыла к большой земле, уже перед туманом, возжак-то и обернись черной своей мордой на воеводу – и оскалься ему! Совсем не по-пёсьему! Понял воевода, что это и был Щерь! Что ушли ведьмаки и ведьмы с острова в обличье собак. Да не просто так ушли, – глядя на девицу и молодого человека, вдруг злоеще рассмеялся архивариус. – Чтобы вернуться однажды!..

Часть первая Недобрая слава

Глава первая За рекой живут нелюди

1

Все студенты-историки ездят в археологические экспедиции. Даже если ты не собираешься посвятить свою жизнь раскопкам, извлекая из-под земли останки давно почивших людей, глиняные черепки, каменные ножи и наконечники стрел, ты просто обязан хоть одно лето «поработать в поле». Так именуют свой труд тайные агенты и археологи. Ты должен коснуться того, что осталось от былых веков, не только перелистывая архивные фолианты в библиотеках, будоража воображение и неистово фантазируя, а своими руками. Должен научиться радоваться кусочку запекшейся в древней доменной печи глины – осколку примитивного сосуда, должен с наслаждением взирать на обломок большеберцовой кости человека, жившего до тебя за тысячи лет, должен плакать от восторга, отыскав среди ломких ребер бронзовую загогулину – украшение давно истлевшей пещерной красавицы.

Конечно, не всем археологам удастся открыть гробницу фараона, доверху набитую золотом. Того же Тутанхамона, например. Просто Тутанхамон всего один, да и фараонов не так много, как археологов. И до Египта или Месопотамии доедет не каждый студент. Тем более из России. Но и великие просторы нашей многонациональной родины тоже подчас делают подарки. В Поволжье, например, тьма-тьмушая древних курганов. Ройся – не хочу. К могильникам древних ариев и других народов тянутся студенты-археологи со всей России, и дорога эта не зарастает уже долгие годы.

Сюда, на Среднюю Волгу, под село Раздорное, в середине лета и приехала на практику очередная группа историков из МГУ. Еще дома, в альма-матер, профессор Турчанинов, обладатель ухоженной седой бородки и усов, сказал своим студентам:

– Вас ждет месяц увлекательной работы в поле. Под городом Семиярском, как вы знаете, в шестидесятых годах прошлого века была обнаружена некая культура, которую археологи назвали «Черным городищем». Деревенька была рядом, Черныши, потом она опустела, бросили ее местные жители. Так вот, в этих местах на Волге тысячелетиями сталкивались десятки племен. Миграционные потоки были огромны: славяне, тюрки, финно-угры. Нас, энтузиастов, мучил один вопрос: кем же был этот народ? Стоило перешагнуть черту времен и попасть в культурный слой, которому более тысячи лет, наши коллеги обнаружили множественное захоронение обуглившихся останков. Но со временем, мои юные коллеги, ученые все чаще стали обнаруживать одну особенность, когда находили останки сожженных. И особенность эта ставила их в тупик. – Профессор окинул своих студентов интригующим взглядом. – Грудные клетки захороненных людей были проломлены, и все в области сердца, что говорило о ритуальном убийстве. Иначе говоря, этих несчастных приносили в жертву. И в большом количестве! Кого тут убивали – врагов, захваченных в плен, как это делали на американском континенте кровожадные инки? Или это были жертвоприношения своих же, провинившихся членов племени, рабов? Предметы быта тоже ставили в тупик. Украшения и глиняная посуда могли принадлежать разным народам. Всего несколько лет назад сделали анализ ДНК, и выяснилось,

что этот народ впитал в себя гены множества племен. – Профессор прошелся по аудитории. – Но еще раньше было сделано важное открытие. – Он остановился и зорко взглянул на студентов-археологов. – Городище возникло вокруг небольшой каменной горы, внутри которой оказались карстовые пустоты. Двадцать пять лет назад ваши предшественники дошли до этой горы и обнаружили пещеру-святилище с языческим каменным идолом. Примитивное изображение его лица с раскосыми глазами говорило, скорее, о тюркском или финно-угорском происхождении идола, нежели славянском. Устрашающий лик свидетельствовал о его функции так называемого «злого бога» – беспощадного к врагам племени. У подножия «Великого монгола», так его прозвали студенты, был огромный каменный алтарь. Желоб для стока крови не давал повода сомневаться, что тут и приносились множественные жертвоприношения. Не исключено, что человеческие. Так кто они были, жители «Черного городища»? На этот вопрос пытались ответить мы, студенты МГУ, еще сорок лет назад, на этот вопрос хотела ответить предыдущая группа аспирантов, кстати, которые были там всего месяц назад и нашли много интересного. Под моим руководством, разумеется. А теперь на этот вопрос попытаетесь дать ответ вы, студенты нескольких курсов. Что вам, Пчелкина?

– Венедикт Венедиктович, а там речка есть? – спросила светловолосая студентка с зелеными лисьими глазами. – Рядом с этим Городищем?

– Там есть огромное озеро, Юленька, – кивнул профессор. – В одном километре.

– Значит, купальники брать? – улыбнулась его самая способная ученица.

Девушки весело засмеялись. Вопрос был актуальным. Но задать его вот так, с вызовом, могла только такая умница-разумница, как Юлия Пчелкина. Отличница и спортсменка. Гордая красотка с чуть вздернутым носом, о которой ходили слухи, что она раскрыла в городе Вольжанске зловещее преступление и даже получила за это медаль от государства. И слухи эти были вполне достоверны.

– Ну, разумеется, – развел руками Турчанинов. – А также удочки и сети, катера и водные лыжи. Вы не развлекаться едете, молодые люди, а пахать. В буквальном смысле этого слова. Этот славный и жаркий месяц вы у меня под землей проведете. Среди призраков прошлых столетий. Клятвенно обещаю вам.

2

И вот теперь, преодолев на поезде около тысячи километров, проехав на автобусе еще пятьдесят, студенты вошли в лагерь археологов. Его охраняли два аспиранта и один кандидат наук. Увидев долгожданную младшую смену, старожилы возрадовались – им до смерти хотелось домой. Юлия Пчелкина нашла отметку с цифрой «7», тут должна была стоять ее палатка, которую ей предстояло разделить еще с одной девушкой, бросила рюкзак и сумку в общую кучу и отправилась искать умывальник.

Это оказался не простой умывальник. Дюралевые рукомойники с язычками тянулись двумя шеренгами над чугунными раковинами – уникальный сервис в походных условиях. Все для студентов. Эти ряды разделяла высокая фанерная перегородка. Один ряд, таким образом, для мужчин, другой для женщин. Юлия умылась, а когда вытиралась полотенцем, услышала приближающиеся голоса. Мужчины говорили так, точно секретничали. И один голос Юлия узнала сразу – он принадлежал профессору Турчанинову.

– Тут какая-то чертовщина происходит, Венедикт Венедиктович, – негромко сказал кто-то незнакомый. – Это может напугать кого угодно, особенно девчонок.

– Говорите толком, Женя, – потребовал профессор и заколотил ладонью по умывальнику. – Ну, где ты, водичка? Пошла, родимая! – оживился он. – Оо-ох, как я в этом автобусе изжарился.

Юля сразу догадалась, кто был вторым – кандидат наук, карауливший с двумя аспирантами лагерь. Несомненно, он собирался доверить профессору нечто важное, и Юля непроизвольно затаилась.

– Вы помните, когда мы еще стояли большим лагерем, месяц назад, наши видели женщину вдалеке – то на ближних холмах, то на нашем берегу озера? И всякий раз в одежде до пят. Простоволосую, рыжую, помните?

– Ну, мало ли кто может сюда забрести? – шумно умываясь, откликнулся профессор. – Не мы одни на земле живем, Женя!

– Вот именно, – откликнулся кандидат наук. – Но тут – другое...

Турчанинов то и дело ударял по языку умывальника, щедро журчала вода, профессор фыркал и отплеивался.

– Весь кошмар состоит в том...

– Да говорите же толком, Евгений! Чего вы тянете кота за хвост!

– Это фильм ужасов какой-то...

– Вы издеваетесь?

– Рассказываю. Мы как-то с ребятами сидим у костра, ночью. Я встал, отошел по нужде. И вижу – у ближних деревьев стоит женщина в белом, как в ночной рубашке, шагах в тридцати от меня, – Женя понизил голос, – можете себе представить? Из-за дерева вышла! Стоит и смотрит – на меня смотрит! Причем опустив голову, исподлобья. А волосы у нее распущены, по плечам и по груди. А (у вот меня) дыбом на макушке встали! Луна светила меж деревьев, я эту женщину разглядел. Сама белая, как привидение! Мне страшно стало; язык проглотил, честное слово! В землю врос! А потом спросил: «Ты кто? Чего тебе надо? – А она стоит и смотрит. Мне еще хуже. Говорю: – Я щас своих позову! – И вот тут она словно дрогнула и на меня шагнула. Я как заору: – Ребята! Сюда! На помощь! Скорее!» Как видно, получилось у меня громко. Наши ребята в ответ завопили. А она, эта, в белом, уже ведь шагов пять в мою сторону сделала. Но когда увидела наших с фонарем, отступила за дерево. Но фонарь по ней скользнул – по ее белому балахону, я точно видел. Ребята мигом подлетели, даже газовый пистолет прихватили, думали, а вдруг зверь какой? Я им все и рассказал. Мы втроем туда, в темноту, пошли. Но там уже никого не было. Мои аспиранты и говорят: «Евгений Петрович, да привиделось вам! Темно ведь! Мало ли!» Но я с ума-то пока не сошел. И трезвый был! Я вообще не пью, сами знаете. Как тут ошибиться, когда мы с этой гостьей в белом балахоне друг на друга минуты полторы пялились? И не растаяла она в воздухе! Просто отступила и ушла! Не призрак, значит. В этом все дело!

– Думаете, розыгрыш? – спросил Турчанинов.

– Да бог его знает. Но я после этого ни одной ночи толком не спал. В лес смотрел – все глаза проглядел... Вы помните, что нам Трофим Силантьевич рассказывал?

– Бредни все это! – вдруг разозлился профессор Турчанинов. Его словно иголкой ткнули. – И тогда говорил, и сейчас повторю: стариковские бредни из глухомани! Не верю! – Его искреннему возмущению не было предела. – Домовые, лешие, ведьмы! Мифология это все, Евгений Петрович! Сами не знаете? Гром гремит, молнии сверкают – стало быть, Зевс гневится! Или Перун! Хрен редьки не слаще. Громовержец, одним словом. Вот что это такое! Мы с вами взрослые цивилизованные люди, и не пристало нам повторять всякую чушь.

– Пусть так. Но на том острове, за туманом, кто-то живет. И мы с вами знаем об этом. Я лично там видел в бинокль ещё одну женщину – тоже в белом балахоне, и тоже рыжую.

– Ну и что с того? – усмехнулся профессор. – Повсюду люди живут. Чего бы и на этом острове кому-то не жить? Мало ли людей, кому общество не нравится? Я бы тоже с превеликим удовольствием половину жизни провел бы на каком-нибудь острове в полном одиночестве. В белом балахоне, кстати. Как древний грек. Сколько бы написал! Отшельничество – великая вещь. Для избранных!

– Только этих избранных не больно жалуют, как я понимаю. И боятся.

– Евгений Петрович, Женечка, не мне вам объяснять, как тысячелетиями складывались отношения между людьми. Огненно-рыжих, в частности, сторонились, потому что рыжий – цвет золота, угасания природы, цвет осени. Смерти! Выселяли рыжих на край деревни. Ну а колдуны и ворожеи всегда селились на отшибе. Их одиночество обрастало легендами. Я вас умоляю...

– Там всегда холоднее, чем в других местах. Я ведь это не придумал. И туман над рекой. Остров всегда в этом тумане.

– Это да, но мало ли? Может, там необычная роза ветров? Холодные источники? Мы с вами историки – а тут надо у климатологов справляться.

– А как насчет пропадающих людей, Венедикт Венедиктович?

– Я вас умоляю, Женя! – повторил рассердившийся не на шутку профессор. – Вы ведь это только от него слышали, верно? От старого болтуна Трофима Силантьевича? Если бы тут и впрямь кто-то пропал, сюда бы армию вызвали. Мы живем в варварской стране, но не настолько же!

– Не только от Трофима Силантьевича. Местные из Раздорного много чего нам наговорили. Что этот остров рыбаки оплывают стороной. Что туда и власти не суются. Про ведьм нам говорили. Честное слово.

– Я бы высек вас, Евгений Петрович, – ледяным тоном вымолвил профессор Турчанинов. – Да права не имею, а жаль!

– Говорили, что ведьмы с острова могут появиться и на нашей стороне, – закончил мысль кандидат наук, – и даже подойти к лагерю...

– Нет, я бы вас пытал огнем, – поправил сам себя научный руководитель. – Уж коли вам так дороги культурные находки Средневековья!

Приближались новые голоса.

– Вот что, Евгений Петрович, – услышав их, настоятельно проговорил Турчанинов, – не распространяйтесь об этих средневековых бреднях, будьте так любезны. Ни к чему нам эти рассказы. Пусть ребята спокойно работают, ищут кости и черепки. И не думают ни о каких привидениях и ведьмах...

Это были последние слова, которые услышала Юля из интригующей беседы профессора Турчанинова и его помощника. Она затаилась, решила не выдавать себя. А голоса и задорный смех ее друзей и знакомых уже катились к двум рядам унылых дюралевых рукомошников.

И когда стайка знакомых девушек вынырнула из-за барьера, Юля взяла зубную щетку, мыло, полотенце и двинулась по направлению к палаткам. Когда она проходила по дорожке, то ей открылось поле за лагерем. Место их будущей работы. И поднимавшийся над полем пологий курган, внутри которого столетиями грозно возвышался каменный идол, требовавший себе кровавых жертв.

Трое сторожей лагеря отчитались перед профессором Турчаниновым, быстро собрали вещички, пожелали молодым коллегам удачи и были таковы.

– Ну что, эстафету вы получили, – сказал профессор. – После обеда у нас экскурсия к идолу. Делать подношения не обязательно. А пока устраивайтесь.

Самому Турчанинову устраиваться нужды не было – его дожидалась комфортабельная палатка на три комнаты, с гостиной, кабинетом и спальней.

– Интересно, а камин у него есть? – спросил Руслан с пятого курса, когда студенты ставили свои палатки.

Он подмигнул яркой брюнетке с четвертого курса, Жанне, о которой ходила молва, что у нее роман с одним из молодых перспективных педагогов с кафедры иностранных языков и она из этого педагога веревки вьет. Жанна отфутболивала всех, кто «клеился» к ней, – говорили, педагог собирается жениться на красотке.

Одетая в короткие джинсовые шорты и черную майку, Жанна тянула минералку из горлышка, глядя на работающих ребят. Она радовала глаз своим присутствием, к ее высокой груди тянулись взгляды многих, в том числе и мужчин-педагогов, как они с этим ни боролись, и даже профессор Турчанинов не мог отвести от нее глаз.

– Да черт с ним, с камином, – откликнулась Жанна. – Есть ли у нашего Венедикта Венедиктовича джакузи, вот вопрос? Я бы не отказалась расслабиться перед сном. Как ты думаешь, Русик, он меня пустит?

В университете многие студенты, хоть и с разных курсов, знали друг друга. А в поезде успели все перезнакомиться, у кого-то уже возникли многообещающие симпатии. Все вопросы расставляет, как правило, первая ночь в лагере. Ее и ждали. А еще костра, гитар, песен! Всепоглощающей романтики дикой жизни на природе, вдали от родителей, условностей, правил.

– Посмотрел бы я на того, кто тебя не пустит, Жанна, – развел руками спортсмен Руслан. – Я бы для тебя домашний кинотеатр сюда привез!

– А электричество, Русик? – спросил кто-то из ребят.

– Протащил бы кабель до первой электролинии, – глядя на Жанну, кивнул тот. – Легко!

Ей это предложение понравилось. Мало кто видел, что на Жанну в эти минуты с неприязнью смотрела еще одна студентка – худощавая, совсем незагорелая, с жидким светлым каре и большими серыми глазами, не лишенными привлекательности. Она нервно курила, сидя на лавке, и переводила взгляд с Руслана на Жанну и обратно. Юля приземлилась рядом с ней.

– Хватит уже, Зойка, – бросила Юля. – Ваша история быльем поросла. Слышишь, подруга? Ответь, если ты в сознании.

– Я тебя слышу, – слабо откликнулась Зоя.

– Отлично.

Тут же плюхнулся и огромный Сашка Чуев, богатырь в очках, эрудит и большой добряк.

– Сашка, скажи ей, – попросила Юля.

– Насчет чего?

Все трое были из одной группы.

– Насчет этой кинозвезды, – она кивнула на Руслана, ловко монтирующего большую палатку-дворец.

Сашка поморщился.

– Это было один раз, Зоя, на Новый год, – вразумительно напомнил он, – на столе в аудитории, ты сама говорила, то есть – мимоходом...

Юля не удержалась – выстрелила коротким смешком и тут же закрыла ладонью рот:

– Молчу!

Сашка Чуев продолжал:

– Красавчик-Руслан был пьян, рядом никого не оказалось...

– Ну, спасибо, – процедила Зоя и сделала нервную затяжку.

Чуев пожал плечами:

– Обычная история!

– Не для меня.

– Для него, разумеется, – согласился Сашка. – Для тебя это как... как что, Юлька?

– Не дразни ты ее, – отозвалась Пчелкина.

– Как открытие Америки, или... как получение «Оскара».

– Козлы вы, а не друзья.

Чуев с улыбкой вздохнул:

– Не загоняйся, Зойка. Каждому свое. Ты меня понимаешь? Все это – суровая реальность жизни. Надо смириться.

Зоя сделала глубокую затяжку.

– Он у меня сердце украл, – выдохнула и закашлялась.

– Я тебя умоляю, – простонала Юля. – Сидишь, вон, живая. Даже куришь.
Зоя усмехнулась.

– Я уже год как без сердца живу, – ровно произнесла Зоя. – И курю одну за одной.

– Ну и живи, – кивнула Юля. – И порть себе здоровье.

Аргументы на ее однокурсницу не действовали, и Юлю это раздражало.

– Ты, Юлька, красивая, ты только и делаешь, что от мужиков отбрыкиваешься...

– Начинается, – злясь, прошипела Юля.

– Но ведь это правда, Юлька, – не смог скрыть улыбку Сашка. – Ты – супер! Не знаю, как уж часто ты там отбрыкиваешься, но факт есть факт.

– Благодарю, – прохладно бросила Юля.

– И Руслан к тебе подкатывал, – продолжала Зоя.

– Серьезно?! – удивился гигант Чуев. – Когда?

– Она тебе не говорила? – усмехнулась Зоя. – Еще как подкатывал! Но она и его отшила.

Принцесса!

– Я же не могу спать со всеми, кому нравлюсь? – категорично заметила Юля. – И потом, я терпеть не могу самовлюбленных мужиков. – Она смотрела на мускулистого и улыбчивого Руслана, который светился от своей силы и мужской красоты, зная, как он привлекает женщин. – Я таких на дух не переношу.

– А я его люблю, – очень тихо сказала Зоя. – До смерти люблю. Всего. Понимаете? А этой примадонне, – она устремила взгляд на Жанну, курившую в той же компании и время от времени залиvisto смеявшуюся, – я крысиного яда насыплю в манную кашу.

– Следи за тем, что говоришь, – посоветовала Юля.

– В этом лагере и насыплю. Ее домой в гробу привезут.

Сашка зевнул и покачал головой: мол, ужас! Юля разделяла его чувства.

Зеленый лес вокруг наполнился птичьими голосами. Солнце хорошенько припекало. Лагерь строился на глазах. Яркие палатки поднимались одна за другой. А вот столы под навесами – для работы с археологическими находками – уже были. Наследство предыдущей группы. Только ройся в земле, ищи с утра до ночи останки былых культур! И стояла походная кухня, и один длинный стол под надежным клеенчатым навесом – обеденный, тоже ждал новых студентов. Новых молодых и прожорливых едоков.

– Ничего, найдешь себе кого-нибудь попроще, – миролюбиво посоветовал Сашка. – Маленького, худенького, скромного...

– Да пошел ты, – совсем обиделась Зоя.

– Уже ухожу. А главное, чтобы на Брюса Уиллиса не был похож...

– Хватит тебе, – оборвала товарища Юля.

– Или на Мела Гибсона, – не удержался тот.

– Говорю же: пошел ты, – повторила Зоя.

– Нет, правда, Зоя, этот позёр не для тебя. – Юля хотела быть убедительной. – Он так и будет сливки по верхам хватать, пока не состарится. А тебе нужен хороший надежный парень.

– Вот отравлюсь, будете тогда знать, – вымолвила Зоя.

– Боже, – пробормотал Сашка.

Юля и Саша переглянулись – и оба встали.

– Но вначале его отравлю, – с ядовитой улыбкой проговорила Зоя вслед удаляющимся однокурсникам. – И эту тварь, нашу примадонну...

Она осталась сидеть на лавке тощей хилой тучкой. Но очень опасной, если приглядеться к ней внимательнее.

...После обеда Турчанинов провел своих питомцев через коридор в культурном слое и остановился у входа в пещеру, закрытую специально сконструированным шлагбаумом. Один из помощников профессора Турчанинова держал в руке большой походный фонарь.

– У кого фонари – включаем. – Он включил свой, поменьше, и направил его в сторону пещеры. – В лицо друг другу не светить. Великий монгол страшен, поэтому нервных прошу держать себя в руках. И не толкаться: пещера большая, поместимся все. Заходим.

И ребята колонной потянулись в пещеру – культовое сооружение тысячелетней давности. Стены пещеры были аккуратно обтесаны. В центре пещеры возвышался каменный идол в два обхвата – по каменному лику тотчас забегали лучи фонарей. Студенты горячо зашептались. Юля не скрывала радости от «личной встречи», да еще в этом сыром и мрачном подземелье. Она сотни раз видела его на фотографиях – злобного примитивного истукана с раскосыми глазами, похожего на кочевника, но увидеть его живьем было ой как любопытно. Идол стоял на каменной плите, у его ног было широкое круглое углубление, похожее на полость гигантской посуды, от углубления шел неровный широкий желоб.

Почти все ребята приложили свои руки к идолу. Юля дотронулась до него с трепетом. Пористый камень, не видевший солнечного света тысячу лет, был сырым и холодным даже сейчас, в разгар июня месяца.

– Римка, а ты чего? – шепотом спросила Юля.

Однокурсница упрямо сцепила руки за спиной.

– Ну его – злой он. – Она даже передернула плечами. – Брр!

– Да, урод он первостепенный, – согласилась Юля. – Такой ночью приснится – не встанешь.

Свет фонариков, летавший снизу по каменному лику, делал его особенно страшным. Турчанинов коротко рассказал, как его нашли. Он сам, еще кандидатом наук, был свидетелем этой находки.

– Эта чаша в плите под ним, мы полагаем, есть не что иное, как языческий алтарь, на котором приносили в жертву «монголу» тех самых несчастных, тут их убивали и вырезали им сердца, а желобок, как вы понимаете, для крови. Она стекала в землю. Трудно даже представить, как плотно пропиталась эта земля человеческой кровью. Этот акт, разумеется, символизировал «кормление идола».

После этой подробности желание прикоснуться к каменному изваянию сразу поубавилось.

– Интересно, а идол делится силой? – отрывая от камня руку, тихонько спросила Юля.

– Злой силой! – шепнул ей на ухо Чуев. – Кто на него долго будет смотреть, тот окажется в его власти.

– А вдруг, Венедикт Венедиктович, я после такого зрелища заикаться начну?

Это был голос Кашина – популярного шута из Юлиной группы.

– Вылечим, – заверил его Турчанинов.

– Или хуже того, в постель мочиться будем, – заметил уже другой голос.

А это был второй шут – его друг.

– И тебя вылечим, Курочкин, – заметил педагог.

– Вот и от армии откосите, – заметил Чуев. – Только постоите подольше.

Многие засмеялись.

– Шутки шутками, ребята, – услышал его профессор Турчанинов, – а ведь нашли такие, кто действительно решил, что наш «монгол» – проводник злых духов. Об этом даже выходили статьи в семиярских газетах. Двадцать лет назад «монгола» пытались взорвать, но он устоял.

– А злоумышленников нашли, Венедикт Венедиктович? – поинтересовалась Юля.

– Подозрения падали на одного молодого человека, но из-за нехватки улик его отпустили. Ладно, подышали сыростью, и хватит. Теперь я вам покажу сами раскопки, бесценный культурный слой Черного городища, и определю фронт работы на завтра.

К вечеру сборная команда археологов достроила свой городок и приготовилась к тяжелым трудовым будням. Сделать предстояло многое и многое найти. Все, что отыскала предыдущая группа, было увезено для экспертизы в Москву.

– Завтра приедет подвода с едой, – на закате, когда студенты разожгли огромный костер, сказал Венедикт Венедиктович Турчанинов. – Нам ее поставляет из села Раздорного замечательный мужичок – Трофим Силантьевич. Любите его и жалуйте. Это приказ.

Профессор назначил дежурных, поставил следить за молодежью одного из своих помощников и отправился в комфортабельную палатку спать. Устал старый профессор. Да и привык он просыпаться на зорьке.

К полуночи в середине лагеря жарко горел огромный костер. Десятка три студентов сидели вокруг него. По кругу ходила гитара. Пили вино, его разрешили, как и пиво, но были и крепкие напитки. Они разливались и передавались тайно. Впрочем, тут не аудитория, отойди в лес и выпей хоть бочонок, кто увидит? С другой стороны, профессор пообещал, что того, кого встретит пьяным, отправит домой и поставит неуд. Поэтому студенты хорошо понимали, что стоило быть осторожными.

Часа в два ночи мальчишки и девчонки уже прижимались друг к другу без оглядки на старших. Тут были и пары, и одиночки – они ехали в экспедицию за приключениями и новой любовью. Это помимо исторических находок, разумеется. И вот после первых чарок вина великое притяжение полов сыграло свою роль. Возникшие симпатии были налицо. Руслан полулежа прижимал к себе роскошную Жанну, она залиvisto смеялась в его могучих спортивных объятиях. А он иногда склонялся и целовал ее в губы. Из темноты – через костер – с ненавистью смотрела на них худышка Зоя. Но был и еще один молодой человек, тоже худощавый, с нервным лицом. Он смотрел на Жанну, привалившуюся к своему избраннику, и по лицу его так и скользили черные тени гнева, зависти и лютой бессильной злобы.

«Кто же он? – пыталась вспомнить все замечавшая Юля. – Вроде бы Жаннин однокурсник. Только из другой группы. Кажется, Владлен Сурков. Так что, еще одно разбитое сердце?»

Но большинство были счастливы, большинство молодых людей с интуитивной нежностью льнули друг к другу, и гитарный бой походной песни в руках очередного менестреля вместе с огнем, искрами и дымом летел в ночное небо.

Юля, уже изрядно выпив, повеселев и даже чуть-чуть потеряв разум, откинулась на чьи-то колени и руки, и ей было так удобно и легко в этих руках. И даже на жестких коленях. Потом она запрокинула голову и увидела над собой сухощавое волевое лицо, короткую стрижку, добрые глаза. Она уже видела прежде это лицо, и не только в лагере, в университете тоже. Это был старшекурсник, и звали его, как казалось Юле, Гошей. Или Гариком? Он был так мил! И мужественен одновременно. И улыбался, глядя в ее глаза. Весело и скромно, что очень нравилось требовательной Юле.

– Иди сюда, – горячим шепотом произнесла она.

Гитара звенела, нестройный хор ревел бардовскую песню.

– Куда идти? – спросил он.

– Сюда, глупый, – проговорила Юля и вытянула руки вверх.

Парень еще не понял, что ему делать, и лишь слегка наклонил голову.

– Ближе, бестолковой, я тебя поцеловать хочу, – закрывая глаза, рассмеялась она. – Чего тут непонятного?

– Что ты хочешь? – хмурясь, не понял он.

Возможно, из-за хохота и звона гитары он решил, что не расслышал ее.

– По-це-ло-вать! – произнесла Юля по слогам. – Я – тебя. – Она говорила с ним так, точно он плохо слышал. – Теперь понял? Или ты не хочешь?! – Юля готова была подскочить с его колен от негодования.

Вот когда лицо парня ожило. Дошло наконец!

– Хочу, – живо кивнул он. – Очень хочу, Юля...

Да и кто бы отказался! Принцесса предлагала сама. И он знал, как ее зовут.

– Иди ко мне, а то передумаю, – потребовала Юля.

Он потянулся к Юле, но она не вытерпела и, обняв его за шею, притянула к себе. Этот поцелуй был упоительно долгим и горячим. Поцелуй передался токами всему ее телу, и прерывать его оказалось бы преступлением. Он зажег их обоих. Молодой человек уже сам, хоть и осторожно, сгреб Юлю крепкими руками и теперь не желал отпускать. Она только один раз дернулась, решив, может быть, хватит и пора им остановиться, но он точно не услышал ее. Или не захотел услышать? И она решила – пусть! А он уже целовал ее в шею, в ключицы, в начало груди – ее джинсовая рубашка была расстегнута на добрых три пуговицы, а то и на четыре!

Их двоих не замечали. Сейчас все были заняты друг другом. Разбуженные чувства требовали продолжения – нежности, любви, счастья. И вино сделало свое дело. Надзиратель, поставленный профессором, давно скрылся. Да и кто отважится помешать такому празднику? В первый-то день! Даже сам Венедикт Венедиктович не решился бы! Гитара и смех рвали ночь. А в центре жарко горел костер, выбрасывая снопы искр, и сизые клубы дыма бойко поднимались вверх.

Юля и молодой человек еще бродили вокруг лагеря, подолгу целовались у деревьев, время от времени натываясь на своих же ребят, отвечавших им смехом и ободряющими шутками, потом Юля сказала:

– У меня голова кружится, проводи меня до палатки.

Они проходили по их лесочку, когда увидели двух девушек. Те стояли двумя тенями друг против друга. И складывалось ощущение, что одна мешает пройти другой. Девушка покрупнее, фигуристая, хотела обойти вторую, худощавую, но та сделала шаг в сторону и преградила ей путь. Было ясно, что так продолжается уже не в первый раз.

– Говорю еще раз – уйди, – сказала первая.

– Не уйду.

– Уйди.

– Оставь его – он мой.

– Чей он?! – усмехнулась фигуристая. – Твой?! Ты себя-то в зеркале видела? Скажи, Зоя, видела?

– И что?

– А то.

– Что? Что? – с ненавистью спросила худощавая.

– Ты же – сопля. Глиста, понимаешь?!

Худощавая попыталась ударить противницу, но та отступила, и пальцы нападавшей лишь задела ее щеку.

– Ах ты тварь! – вырвалось у фигуристой, и она с размаху и ловко вlepила худощавой пощечину, да такую, что та отшатнулась и едва не упала. – Ну что, ты этого хотела, Зоя, да? Ну так ты получила. – Она провела ладонью по щеке. – Если хоть одна царапина останется, глиста, смотри, я тебя размажу...

Ее противница, собравшись, вновь бросилась на фигуристую, но та была готова к атаке. Худощавая получила еще один хлесткий удар – и еле устояла на ногах, отшатнулась.

– Еще хочешь? Мало тебе, да?

– Ты – шлюха, Жанна, ты живешь с раздвинутыми ногами, об этом все знают!

Первая зло и весело рассмеялась:

– А ты свои сколько ни раздвигай, никому не нужна! Русик тебя оприходовал только потому, что упился в зюю, не видел, бедняжка, кто перед ним!

Худощавая в бессильной ярости и в третий раз бросилась на ненавистную противницу, но та вновь ловко отступила и поставила ей подножку. Нападавшая растянулась на траве и тотчас заревела. Она давилась горьким рыданием, захлебывалась, и что-то время от времени с негодованием говорила. «Ответишь за все...» – услышала Юля обрывок фразы.

Ее спутник хотел было вступить, помочь и сделал шаг в сторону дерущихся, но Юля удержала его.

– Это не наше дело, – сказала она. – И свидетелей им не надо, поверь мне. Зойка, дура, напилась и сама напросилась...

– Ну что, остыла? – как ни в чем не бывало спросила фигуристая. И тут же с презрением бросила худощавой: – Говорю тебе еще раз: не твоего он полета мужик. Ясно? Ты ему на один раз была. Как презерватив. Он тебя поимел и выкинул. Еще раз полезешь – я тебе всю физиономию разобью. Пошла отсюда, дура.

– А я тебе крысиного яда в суп насыплю, – с трудом садясь, бросила худышка и зло засмеялась. – Слышишь, Жанка, отравлю я тебя.

Тон, каким это было произнесено, и возникшее молчание говорили сами за себя. До победительницы, кажется, дошло, что это не пустая угроза. Но она не захотела выдать своих опасений.

– Смотри у меня, Зойка, – с угрозой проговорила Жанна, – увижу тебя на своем пути – пожалеешь. Близо не подходи – руки тебе переломаю. Я сумею. Опозорю тебя так, что повешишься. Тварь.

Сказала, плюнула и пошла прочь, оставив худышку сидеть в траве.

– Дела, – пробормотала Юля. – Шекспир отдыхает. Пойдем искать палатку, а? Меня тошнит, Гоша...

Еще минут пятнадцать они искали палатку Пчелкиной. Два раза Юля залезла в чужой дом, извинялась, во втором ее хотели оставить, кто-то сказал: «А мы тебя, Пчелкина, заждались! – голос был явно Кашина. – Все думали, когда придет наша гетера?» – и только на третий раз попала по адресу. И то лишь потому, что у палатки курила ее одноклассница, а теперь и соседка Римма.

– Ну, ты и нажралась, Юлька, – сказала та, сама уже теплая. – Первый раз тебя такой вижу. Спортсменка, блин. Фигуристка.

– А я первый раз такая, – парировала Юля. – Надо же когда-то начинать.

Повернулась, обняла своего нового друга, поцеловала в засос, потом отпустила, сказав: «До завтра», хотя завтра наступило – уже потихоньку светало, встала на колени и заползла в палатку.

– Повезло тебе, – за ее спиной бросила Римма. – Растопил сердце Белоснежки.

«Цыц! – слышали оба из палатки. – Убью тебя, Римка!»

– Она строгая, – вздохнула Рима. – Хлебнешь ты с ней.

3

Днем голова Юли Пчелкиной раскалывалась. Вино, коньяк, вермут, водка и много чего еще, смешанное накануне, сделали свое дело.

– Дура, вот дура, – нагирая виски, повторяла она.

Еще в палатке было душно.

– Тебе повезло, – голосом ожившей покойницы из фильма ужасов простонала Римма. – Ты не куришь. А вот я, Юлька, подыхаю... Скажи нашему профессору, что у меня заворот кишок.

– Скажу, – пообещала Юля, достала из сумки зеркальце и с предчувствием самого худшего поднесла его к лицу. – Ужас, Римка...

– Что такое?

– Синяки под глазами, вот что.

– Ну что, девки порочные, поднялись уже? – тяжело и низко спросили у их палатки. – Я зайду?

– Заползай, – откликнулась Юля. – Только не пугайся наших лиц...

– Я пуганый, – отозвался гость. В палатку, согнутый в три погибели, влез гигант Сашка Чуев. – Да-а, – протянул он. – У меня в вашей берлоге очки запотели. Ладно, сейчас весь лагерь страдает. Там Трофим Силантьевич продукты привез.

– Трофим Силантьевич? – оживилась Юля. – Тот самый?

– Какой еще тот самый? – переспросил Чуев. – Он знаменитый, что ли? Обыкновенный Трофим Силантьевич, мужичок на подводе. Старичок.

Но обрывок разговора, услышанный накануне, уже взбудоражил Юлю. «Вы помните, что нам Трофим Силантьевич рассказывал?» – спросил кандидат наук Евгений. А в ответ услышал от Турчанинова гневное: «Бредни все это! Стариковские бредни из глухомани! Домовые, лешие, ведьмы! Мифология это все, Евгений Петрович! Мы с вами взрослые цивилизованные люди, и не пристало нам повторять всякую чушь!»

Юля выкарабкалась из палатки и, встав на цыпочки, потянулась. Свежий воздух дурманит. Пели птицы. По лагерю бродили полусонные студенты. Готовились к позднему завтраку. Первый день им дали выспаться – потом, знали все, поблажек не будет. За Юлей выбрался и Чуев.

– Ну, прям ожившие мертвецы, – обозревая лагерь, сказал он. – Точно?

– Ага, – согласилась Юля.

– Юлька, молока купи у этого Силантьевича, – из палатки простонала Римма.

– Куплю, если будет, – отозвалась Юля.

– Может, водочки, Римма Александровна? – обернулся Чуев.

– Шутишь? – простонала умирающая Римма.

Руководитель экспедиции Венедикт Венедиктович Турчанинов появился как раз в тот момент, когда было произнесено песnezвучное слово «водочки». Он проходил мимо палатки с хворостиной, словно собирался высечь кого-нибудь. И тренировался на своей ноге, похлестывая ее.

– Здравьете, Венедикт Венедиктович! – выпалил Чуев.

Юля повторила его приветствие.

– Так кому тут водочка понадобилась, Чуев?

– Это шутка была, – оправдался Сашка.

– А-а! Ну, а в палатке кто помирает? Скворцова?

– Да, – скромно кивнула Юля.

– Вот что, Пчелкина, Чуев. И вы, Римма Александровна, – громко обратился он к палатке. – Вам, как и другим, я даю время оклематься до обеда. Сегодня первое утро в лагере, смотрите, чтобы оно не стало для вас последним. В два часа вас ждет культурный слой. Пейте молоко. Отрезвляйтесь. Приходите в себя. Я буду беспощаден, – сказал он, хлестнул себя по ноге хворостиной и с видом надсмотрщика двинулся дальше.

Из соседней палатки, куда ночью по ошибке врывалась Юля, выглянула голова их однокурсника и спросила:

– Ушел?

– Ушел, – ответил Чуев.

– А еще я слышал слово «водочки».

– Это было гипотетическое предложение, – охладил пыл однокурсника Чуев.

– А-а, – разочарованно простила голова.

Но не скрылась, продолжая следить за развивающимися событиями.

– А у этого Силантьевича молоко есть? – поинтересовалась Юля.

– Есть у него молоко – сам видел, – подтвердил Чуев. – Было по крайней мере. Он что-то привозит для всего лагеря, типа каш и консервов, а что-то по индивидуальным заказам.

– Может, лучше пивка, Пчелкина? – спросила страдающая голова из соседней палатки. – Ты вчера сама не своя была. Когда к нам залезла. На четвереньках. Предлагала разные услуги. Сексуального характера. Не помнишь?

– Ты debil, Курочкин, – зевнув, сказала Юля. – Не знал?

– Мы даже испугались. Такая активность!

Юля выстрелила глазами:

– Скройся.

– Злая ты сегодня, а вот ночью...

– Дама сказала – скройся, – кивнул гигант Чуев.

– Не пугай! А вот мы по пивку, – сказала голова. И, повернувшись вполоборота, спросила: – Точно, Кашин?

– Точно, – тяжело отозвался другой их однокурсник из палатки. – Пива! Пива! – закричал он так, как будто требовал чуда. – И Пчелкину!

Юля с улыбкой вздохнула:

– Дебилы. Отведи меня к нему, Саня, к этому чудесному старичку, я тоже молока хочу. Так хочу, что сил нет.

И вдвоем с Чуевым они пошли искать Трофима Силантьевича.

За последние двое суток, включая долгую пирушку в поезде, студенты успели истребить весь провиант, купленный в Москве и на станциях. Молодым много никогда не бывает! Поэтому на поставщика продуктов Трофима Силантьевича набросились так, как набрасывается стая голодных волков на несчастного заблудившегося ягненка. Но Трофим Силантьевич себя ягненком не чувствовал. Напротив, он чувствовал себя хозяином положения. Благотелем! Кормильцем! Дарующим жизнь. В лагерь местному повару он привез гречку и пшено, рис и макароны, сухое молоко и тушенку, а вот ребятам продавал печенье и конфеты, сигареты, минералку и пиво, которое, разумеется, прятал от руководителей экспедиции. Вялые после разгульной ночи археологи довольно живо разбирали все, что было у старого фуражира.

Подоспели сюда Курочкин и Кашин.

– А травки нет, Трофим Силантьевич? – спросил первый и стал многозначительно перемигиваться с другими.

– Какой еще травки? – нахмурился старик.

– Ну, сам знаешь, покурить? – лукаво продолжал студент.

– Высечь бы тебя, умник, – погрозил кулаком Трофим Силантьевич. – Плеткой.

– Чего, пошутить нельзя? – развел руками тот. – Я за чаем. Пять пачек.

– Курочкину чаю не давать! – крикнул кто-то. – На него не напасешься! Он чифирить будет!

– Я что, больной? – воспротивился тот. – Я пивко предпочитаю. Про запас я!

Но вопрос о чифире тронул Трофима Силантьевича за живое. Всесильный профессор Турчанинов грозил ему в воображении пальцем.

– Иди крапиву лопай и одуванчики нюхай, – бросил Курочкину старый фуражир. – Чифирь – он не для всякого ума годен! Ты и так хлипкий, тебе с чифирю видения будут.

Но пару пачек продал. Пегая лошадь отмахивалась хвостом от мух и трясла головой. Подвода пустела на глазах. Ребята тащили покупки в обеих руках. Теперь только через неделю жди старика.

– А молоко есть? – спросила подоспевшая Юля. – Трофим Силантьевич?

Старик оглядел юную красотку и сразу потеплел глазами. Красавица с нежным лицом, с веселыми зелеными глазами! Да еще просьба ее тронула.

– Молочка хочешь, красна девица?

– Очень, дедушка! – взмолилась та.

– И побольше, – добавил Чуев, встав за ее спиной. – Ей оздоровиться надобно.

– Всем вам после вчерашнего заезда надобно оздоровиться, – со знанием дела рассмеялся старик. – Будет тебе молочко, милая, для тебя припас! – кивнул старик и скоро достал две коробки молока.

Юля цедила молоко и наблюдала, как запоздавшие ребята раскупают последние съестные припасы.

– Ты идешь? – спросил Чуев.

– Иди к нашим, я скоро буду.

– Чего надумала, Белоснежка?

– Да ничего, ты иди, иди.

– Ладно, – ответил тот и ушел.

Юля попутно выглядывала и своего вчерашнего кавалера, но его точно и не было вовсе. Куда он делся? Она вспоминала их нежные объятия, едва скрывала улыбку и, кажется, краснела. Потом Юля обошла повозку, погладила пегую кобылку по щеке. Лошадь посмотрела на нее карими и пронзительно блестящими глазами и добродушно тряхнула головой. Чудо, а не лошадка! Только замученная совсем. Юля вновь обошла телегу и едва лоб в лоб не врезалась в своего ночного друга.

– Ой! – вскрикнула она и, уставившись на молодого человека, засмеялась. – Привет.

– Привет, – кивнул он. – Мне сказали, что тебя здесь видели.

– Не соврали. Ты как, Гоша? Головка бобо?

– Головка бобо. Но я не Гоша. – Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Нет?!

– Нет.

Юля заново оглядела его: он был высоким, сухощавым, плечистым. Темно-русым. С открытым лицом, большими голубыми глазами.

– Вот я наклюкалась...

– Точно.

Прижав к груди ополовиненную коробку молока, Юля повинно кивнула:

– Прости, Гарик, ради бога прости.

– И не Гарик я. Вчера раз десять тебе сказал. Не помнишь? – вздохнул он.

– Не-а. А кто ты? Леопольд? – жалостливо улыбнулась Юля.

– Я – Георгий.

– Точно! – Она даже ладонью хлопнула его по груди. А потом саданула легонько себя по лбу. – Георгий! Ну как я могла забыть? Гордое имя. Победоносец. А фамилия?

– Малышев.

– Точно, – кивнула Юля. – Ну, это хорошо, что фамилия не соответствует образу и фактуре. А то было бы чересчур. Молока хочешь? – и она протянула Георгию коробку.

– Нет, я для нас сок купил, – сказал он. – Два литра.

– Да ну? – Юля сделала большие глаза. – Прямо для нас?

– Да, апельсиновый. Ты любишь?

– Очень. Позаботился, значит?

– Ага. Первым пришел.

– Спасибо, Георгий. – Ее зеленые лисьи глаза лукаво сверкнули, голос стал тише: – Я кое-что помню из этой ночи...

– Я тоже, кое что, – тихонько признался молодой человек и взял ее за руку.

– У тебя такие сильные объятия...

Он польщенно улыбнулся:

– А ты такая... такая...

– Какая?

– Нежная. Такая, что у меня, – он зашептал, – до сих пор голова кружится. Вот ты какая.

– Спасибо.

А старый фуражир тем временем стал собираться в дорогу и даже сказал вслух:

– Ну, пора мне. До дома, до хаты! Слышь, молодежь? Вы там чо, коня моего заговариваете? Так не старайтесь – он и так у меня заговоренный. За вами не пойдет.

Юля тотчас оказалась перед стариком и спросила в лоб:

– А прокатите нас с другом до дороги – мы вам заплатим. На тележке проехаться так хочется! Правда, Георгий?

Молодой человек нахмурился, но промолчал.

– Да за что ж я с вас деньги буду брать? – усмехнулся Силантьевич. – Садись, молодежь!

Красавка только рада будет.

– Красавка – это лошадка ваша? – спросила Юля елейным тоном.

– Она. Садись!

Георгий подхватил Юлю, как перышко, и посадил на край телеги. Запрыгнул сам. И скоро они выехали из лагеря. По дороге им встретила Зоя, но ее стеклянный взгляд лишь безразлично скользнул по однокурснице.

– Ну как, качает? – управляя лошадыю, спросил старик.

– Супер!

– Это хорошо, стало быть?

– Очень хорошо, – откликнулась Юля. – Трофим Силантьевич, а скажите, это правда, что места эти – загадочные?

– Что значит – загадочные, дочка?

Георгий тоже взглянул на свою спутницу, не понимая, куда она клонит.

– Что тут какие-то странные люди живут... на острове?

Юля даже не знала, о каком острове шла речь. Спрашивала наобум. Куда кривая выведет.

– А-а, вон ты о чем. Об островке об этом. Да о чем только люди не толкуют, – отмахнулся Трофим Силантьевич. – Языки-то у всех длинные!

Старику явно не хотелось говорить на эту тему. Но почему? Юля догадалась: профессор и его окружение провели с Трофимом Силантьевичем разъяснительную беседу.

– А что за остров? – спросил Георгий.

– Тсс! – тихонько толкнула его локотком Юля.

– Чего? – удивился он.

– Говорю: тсс, – повторила Юля и тотчас пошла в лобовую атаку: – Я слышала, что в этих местах люди бесследно пропадают. Это правда?

– Люди? – сморщился Георгий. – Пропадают? Тут?

– Ой, красна девица, – покачал головой Трофим Силантьевич. – Это кто ж тебе такое порассказал-то? От кого слышала-то ужасы такие?

– От нашего руководителя. – Юля взяла Георгия за руку и сжала его пальцы, что означало: не мешай мне! Я знаю, что говорю.

– Да неужто от самого? – удивился возница.

– Да, Венедикт Венедиктович рассказал, – нагло соврала она. – Но только мне, потому что я пишу об истории этого края. Вашего края, Трофим Силантьевич. Большую курсовую работу пишу!

– А-а, вона чо! – кивнул тот. – Это дело хорошее.

Из перелесков они выехали в поле, и теперь ровное зеленое море расстиралось справа и слева от них. Под пронзительным бирюзовым небом. И в этом море все стрекотало, пело и жужжало, шумело на все голоса. И жарило, жарило полуденное солнце.

– Так как, Трофим Силантьевич? – поторопила старика Юля.

– Да бывало, дочка, раз в пятилетку. Охотник, бывало, заблудится, хватятся, а нет его. – Силантьевич легонько подхлестывал кобылу. – А бывало, что из наших кое-кто не возвращался...

– Да неужто с концами? – удивилась Юля.

– Еще как с концами! – кивнул старик. – Как в воду.

– А что говорят? – поинтересовалась девушка. – Люди? Вы не подумайте, Трофим Силантьевич, я вашего имени упоминать не буду, – спохватилась она, – все будет от меня, автора.

Георгий недоумевал. Его хитрая подружка, похожая на очаровательную лису, явно не просто так напросилась на поездку со стариком в его телеге.

– Да люди чего только не говорят, – тряхнул вожжами Силантьевич. – Может, зверь задрал, может, утонул. Тут же болота есть. Расщелины. А что в городе, люди не пропадают?

– Еще как пропадают.

– Вишь, дочка, все как везде!

– Ну так ваших пропавших искали, наверное? – не вытерпел и возмутился Георгий. – Как же это так – взял и пропал человек? Не тайга же.

– Да искали, конечно, ну так на то он и лес, чтоб зайти туда и не вернуться, – весело и мрачно одновременно рассмеялся Силантьевич.

– Не понимаю, дикость какая-то, – вырвалось у Георгия.

– А ты свое недовольство болоту объясни, добрый молодец, или зверю какому. Тут ведь и рыси были, и кабаны, и медведи!

– Белые? – иронично спросил Георгий и получил тычок локтем от спутницы.

– Умничаешь, да? – в ответ спросил Силантьевич. – Ну-ну, – и покачал головой. – Он мне не нравится, барышня, кавалер твой. Дерзкий больно! Вот был у нас такой, дерзкий, Саввой звали, лет двадцать назад. – Старик подхлестнул кобылу. – Пропал. Искали – не нашли.

– Я с вами не спорю. Но вы о пропавших людях говорите так, точно это коты какие-то, – решил постоять за себя и за несчастных Георгий. – Ушел и не вернулся! Пропал, и ладно.

– И ничего не ладно: говорю же – искали! – помрачнел старик. – Да не нашли. Чего тут не ясно?

– Вы его простите, Трофим Силантьевич, молодой человек из Москвы. Привык по-другому смотреть на жизнь.

– Из Москвы! – присвистнул старик. – Да у вас там сколько миллионов бок о бок друг о друга трется? То ли десять, то ли больше. Вот где люди-то десятками каждый день пропадают, а то и сотнями!

– Да откуда вы знаете? – воспротивился Георгий.

– Да оттуда! Только кто тебе-то доложит, чой в твоей Москве происходит-то? В муравейнике вашем. Тоже мне, из Москвы он! Вам хоть тыща пропади – не заметите. Хоть десять тысяч. Сплюнете и дальше пойдете.

Резкое замечание провело враждебную черту между фуражиром и молодым историком. Юле надо было все исправить, и срочно.

– С Москвой все и так ясно, это и впрямь муравейник, – поддержала она старика и за его спиной погрозила спутнику кулаком.

– Во! – кивнул возница. – Соображаешь!

– Мне про ваш край интересно, Трофим Силантьевич. Разные подробности!

– Подробности, говоришь?

– Ага, – очень искренне отозвалась Юля.

И тут старик решил пооткровенничать, но только с девушкой, полностью игнорируя пассажира.

– Но меня ваш профессор предупреждал: мол, не стражай ребят-то. А то некому будет продукты возить. Но коли он тебе сам рассказал, тогда другое дело.

– Очень интересно, – скромно пропела любопытная студентка.

– Мы о том толковать не любим, дочка. У нас в Раздорном о том молчок. Даже между своими. А кто со стороны, тот и слова о том не услышит. Недобрая слава об этих местах ходила и ходит, ой недобрая! – Старик даже головой покачал для пущей убедительности. – В наших местах ведьмаки жили.

– Настоящие? – удивилась Юля.

– А коли не настоящий, то и не ведьмак, – ответил старик. – И не сто лет жили, а поболее. Тут ведь, в этих лесах, на этих озерах, много тайных мест! Веришь в тайные-то места, дочка? Или как?

– Верю, – выпалила Юля.

– А вот я не верю, – ровно заметил Георгий. – И в ведьмаков не верю.

– Ну и не верь, я с барышней говорю, – буркнул старик.

Юля больно ущипнула спутника за локоть, и тот едва не подпрыгнул. Но замолчал.

– Ты на озере-то нашем была? – прервал паузу Силантьевич. – Или первый раз туточки?

– Первый. Туточки.

– Понятно, – кивнул старик. – Вот тогда и сходи на озеро. Оно в километре от вашего лагеря-то. Рукой подать. Но тут только в залив упрутесь. А надо еще километра полтора вдоль берега пройти. Тогда оно и откроется. Во всю ширь! Там, на середине, большой остров имеется. Он всегда как будто в тумане. Точно остров сам по себе, а большая земля отдельно. Словно прячется он ото всех.

Георгий тер локоть и зло посмеивался – он был материалистом и скептиком. А вот Юля хмурилась. И слушала, впитывала. Прямо небылицы какие-то! Но зачем старику врать? Да и проверить легче легкого – возьми да сходи.

– Кто к этим местам приближается, тот холод чувствует.

– Это как так? – вырвалось у Юли.

Телега подпрыгнула, и всех тряхнуло.

– А вот так. Могильный холод, – усмехнулся старик.

– Байки из склепа, – усмехнулся Георгий. – Ни с того ни с сего холода не бывает, уважаемый Трофим Силантьевич.

– Ишь ты!

– Да-да.

– То-то и оно, что с того и с сего, – продолжал старик. – Коли б просто так! Ан нет. На этом острове ведьмы и сейчас живут...

– Как это – ведьмы? – изумилась Юля.

– А вот так, красавица. Самые что ни на есть колдуньи. Оттого никто из наших к острову и близко не подплывает. Рыбаки ходят по озеру, но к туману – ни-ни. Благо озеро огромное – есть где порыбачить.

– На метлах небось по ночам кружат, а? – спросил Георгий. – Ведьмы-то ваши? С «холодного» острова?

– На метлах кружат или нет, не знаю. Но ты угадал, молодец, остров так и зовется – «Холодным». И слава у того острова недобрая испокон веку. Когда егеря Суконкин пропал – его искали. Все искали. Тогда и на остров милиция приезжала. Искали останки. Не нашли. И когда охотник Кормильцев пропал. И Пшенкин, сетью рыбку решивший половить. И девушка одна из Раздорного. Лет двадцать назад. Ее брат все искал. Ведьмак с Холодного острова тогда еще был жив, старый черт! Лет пять назад помер, говорят. Только бабы его, ведьмы, и остались.

– И кто они, эти ведьмы? – спросила Юлия.

– Три женщины: бабка, мать и дочь.

– А мужчин у них больше не было? – спросила Юлия. – После этого ведьмака? Как они одни-то живут и почему?

– Ведьмак – разговор особый. Он им за хозяина был. Руководил ими. Ты – туда лети, ты – сюда. А ты – харч вари, из хвостов змеиных. Метлы им стругал, заговаривал.

– Ха! – выстрелил смешком Георгий.

– Чего ржешь-то, молодец?

– Да так.

– А-а, ну раз так, тогда ладно. Смех смехом, дочка, но иногда они за продуктами-то и в Раздорное приезжали. Ведьмы эти.

– Прилетали, в смысле? – решил поправить рассказчика Георгий. – На метлах?

– Эх ты, бестолковый. Ведьма – она ж не дура! Разве она днем на метлу сядет? Где учили тебя?

– В МГУ.

– То-то и оно, что «му да му». Днем ведьма в гости к тебе придет – ни шиша ты в ней не поймешь. Скажешь: баба и баба. Разве что глаз с прищуром. Ведьма должна ночи дожидаться, чтобы ведьмой стать. А так бы их всех переловили давно. Днем ведьма за красну девку себя выдаст, а ночью в злую старуху обратится. Днем все выведает, а ночью к тебе в окошко влетит и заберет все, что дорого.

«А старику палец в рот не клади, – улыбалась про себя Юля. – На раз обставил трезво-мыслящего умника».

– Один-ноль, – сказала Юля своему кавалеру. – И не в твою пользу, кстати. Значит, больше никаких мужчин у них не было?

– А что мужчины? Им, ведьмам, мужчина только на раз нужен. Если это обычный мужичонка. Попользовала его ведьма по мужской части, дабы зачать, а потом – в расход его.

– Как это – в расход? – удивилась Юля.

– Да так! – рассмеялся старик. – Так у них заведено. А потом могут русалкам отдать – опоить и в озеро бросить. А те-то похотливые! Развратницы они, русалки-то. Хоть и рыбы наполовину. – Старик довольно ловко обернулся и подмигнул Юле. – Так народ говорит, дочка!

Георгий застонал даже:

– Двадцать первый век на дворе, Трофим Силантьевич, слышали о том?

– А ты слышал старинную поговорку: за рекой живут нелюди? – ответил вопросом на вопрос разговорчивый старик.

– Представьте себе, слышал. Только это очень древняя поговорка. Языческая.

– Я ученых слов не знаю. Но ты меня понял. Так вот, на том острове не люди живут – нелюди. Так народ говорит. И давно говорит! А народ не переспоришь, умник городской.

– Нам не пора назад? – спросил Георгий. – Ты еще не все легенды местного края выведала?

– На сегодня хватит, – согласилась Юля. – Спасибо вам, дедушка Трофим, за рассказ. Нам еще назад возвращаться. В следующий раз придете – я хочу еще послушать.

– Тпру, Красавка! – остановил он кареглазую уставшую кобылу. – Только с профессором вашим молчок. Строгий Венедикт-то.

– Заметано, – кивнула Юля.

Георгий спрыгнул с телеги, подхватил на руки Юлю и поставил рядом.

– Я вам что сказать-то хотел, – окликнул их старик.

– Да, Трофим Силантьевич? – призывно кивнула Юля.

– Места у нас и так непростые, а вы, археологи, тут еще демона злющего откопали.

Он медлил. Молодые люди переглянулись.

– Ну, не то чтобы демона, – заметила Юля.
– Демона-демона, – покачал тот головой. – Так вот, нехорошо это.
– Ну, мы же археологи, – словно извиняясь, вздохнула Юля.
– А это неважно. Мне про него как рассказали, давно это было, так я аж за сердце схватился. Первый раз в жизни. Демонов не откапывать надо, красавица, а обратно под землю упихивать. Ясно? И чтоб поплотнее землицей сверху притоптать. И святой водицей окропить. Думаете, нечисть просто так селится там или сям? Ан-нет! Ее друг к другу так и тянет. И так у нас это Русалочье озеро, да еще с островом, как бельмо в глазу, а тут еще и демона на блюде. Плохо это, ребятки, ой как плохо. К новой беде.

Прежде Трофим Силантьевич говорил отчасти шутивым тоном, но сейчас его слова прозвучали иначе.

Георгий снисходительно покачал головой:

– Теперь не уснем.

– Ты поживи с мое, молодец, и повидай с мое, а потом уже головой качай, как жеребенок некормленный, – заметил Силантьевич. – Ладно, поеду я. Ты его учи уму-разуму, – посоветовал он Юле. – Бестолковый он у тебя!

Георгий заскрипел зубами.

– Буду, – пообещала она.

Юля получила за дружескую беседу бутылку «Буратино» бесплатно. Они попрощались с фуражиром. Дед Трофим чмокнул воздух, бросил короткое: «Но!» – и натянул вожжи. Заскрипев, телега покатила прочь.

Они двинули пешком обратно в лагерь.

– Средневековье, – пробурчал Георгий.

– Зря ты. Они живут в своем мире сказок и загадок, – заступилась за старого фуражира Юля.

– Вот я и говорю: средневековье, – опять пробурчал тот. – Причем раннее.

4

После обеда началось знакомство археологов с культурным слоем Черного городища. Когда-то вокруг древнего поселения прокопали глубокую траншею, и с каждым годом границы городища стали сужаться. Новые археологические экспедиции вгрызались в гигантский квадрат земли, продвигаясь к каменистой горе в центре, покрытой земляным слоем. Ничего нельзя было упустить! Под ногами должен был оставаться «материк», так археологи называли природную твердь, никогда прежде не обживаемую людьми. В те времена археологи еще не знали, что в глубине горы стоит идол, только предполагали, что у горы существует сакральное значение. Но какое? Квадрат Черного городища год за годом сужался, по пути археологи аккуратно откапывали черепки и косточки, изредка находили изъеденные коррозией наконечники стрел и ножи, натыкались на стены домов и могильников. Так нашли сотни сожженных скелетов. Затем старатели не вытерпели и прорыли еще одну траншею – и подобрались к горе. И стали обводить ее новой траншеей, пока не наткнулись на вход в пещеру и не обнаружили, что гора – это созданный природой языческий храм.

Каждой новой группе археологов хватало работы. Культурного слоя для разработки оставалось еще на долгие годы.

И вот, стоя после обеда на вершине горы со своими студентами, профессор Турчанинов сказал:

– Мы до сих пор не нашли ни одной могилы вождей этого племени. Я не исключаю, что именно вы, коллеги, именно ваша группа наконец-то раскопает подобную могилу. И могилу жреца, кстати. Но для этого вы должны работать не покладая рук. Слышите, Курочкин и

Кашин? – обратился он к самым унылым и обессиленным своим студентам. – Слышите меня, бедолаги?

– Мы слышим! – слабо отозвался Курочкин.

– Внимаем каждому вашему слову! – бессильно простонал Кашин.

– Ждем работы! – взял эстафету Курочкин. – До седьмого пота!

Половина студентов, свидетелей этой душевной беседы, заржала.

– Это хорошо, – кивнул профессор Турчанинов. – Это вы молодцы, Курочкин и Кашин, что слышите и внимаете. Что ждете. И уже сегодня вам представится такая возможность – делом поддержать слово.

– Только мы одного боимся, Венедикт Венедиктович, – подал голос один из «бедолаг».

– Ну, чего ты боишься, Кашин?

– А вдруг вождей и жрецов сжигали – и прах по ветру? А мы их искать будем? Как быть-то в этом случае?

– Тогда будете искать пепел. Все ясно? – Турчанинов и не думал шутить. – Сейчас разобьемся на группы – и вперед.

Из пятидесяти студентов создали пять групп. Юля Пчелкина и Георгий Малышев попросились в одну. Глаза обоих подозрительно блеснули. Мудрый Венедикт Венедиктович удовлетворил прошение, сказав: «Когда мужчина и женщина заняты одним делом, это только способствует развитию их отношений. Но не переусердствуйте. Я про личные отношения. Кто решит, что он тут на отдыхе, отправлю домой. И не думайте, что я шучу». Георгий Малышев, как серьезный и подающий надежды студент-четверокурсник, к тому же был назначен и старшим группы.

Первые часы принесли и первые находки. Несколько черепков было освобождено из культурного слоя. Каждая находка сопровождалась горячим обсуждением в кругу всех пяти групп молодых археологов.

В шесть часов вечера профессор Турчанинов дал отбой.

– Хватит на первый день, – сказал он.

– Мы идем купаться на озеро, да? – спросила Юля у Георгия.

– Если хочешь, идем.

Идея давно носилась по рядам молодых археологов: все на озеро! Купаться! Идти туда было всего-то четверть часа. Профессор Турчанинов сам указал студентам кратчайшую дорогу.

– Только не сбейтесь с пути, – предостерег он. – Не заблудитесь. Тут, говорят, духи умерших аборигенов живут. Так что будьте осторожнее. Кто хочет вернуться в Москву.

– Очень смешно, – побежав надевать купальник, бросила Юля, – особенно на фоне рассказов про ведьм и привидения.

– Какие привидения? – спросил Георгий.

– Потом расскажу.

Юля решила поторопиться, но Римма заныла, стала просить ее подождать. Юля сказала:

– Я не одна, прости.

– С тем длинным?

– Да.

– Он ничего.

– Спасибо.

Юля выскочила из палатки в шортах и майке, бросила Георгию:

– Идем!

– Ты какая-то наэлектризованная, – сказал он.

– Привыкай, – бросила она. – Я – девушка-метеор.

Пока все собирались стайками, точно рассчитав направление, они первыми устремились к воде. Едва заметная тропинка вела через лес, она то обрывалась, то возникала вновь.

– Почему мы бежим? – спросил Георгий.

Его подружка явно торопилась. Но куда?

– Хочу первой дойти до воды.

– И это все? Или у тебя еще с кем-нибудь свидание? С лешим, например? – Там, где заросли сгущались, Георгий отводил перед Юлей ветки. – Там, где развратные русалки, и лешие должны быть.

– Тоже развратные?

– А это тебе лучше знать.

– У меня свидание только с тобой! – с улыбкой обернулась Юля.

– Подожди...

– Ну?

Георгий поймал ее в объятия, крепко прижал, поцеловал в губы. Она ответила на поцелуй, но тут же вывернулась из его рук, как выворачивается кошка-непоседа:

– Еще будет время, Гоша.

– Я – Георгий! – бросил он ей вдогонку.

– Уговорил!

– Буду целовать тебя на берегу озера, пока никого нет, сколько захочу!

– Ладно! – откликнулась девушка.

Ей нравилась его настойчивость.

В одном месте тропинка расходилась на два рукава.

– Ну вот, – сказала Юля. – Как это понимать?

– Об этом нас никто не предупредил. Например, твой старик.

Правый рукав был менее заметен и явно уходил в сторону от озера.

– Идем по левому, – сказала Юля. – Так будет вернее.

– Согласен, – кивнул Георгий.

И скоро лес расступился, как это бывает часто перед большой водой, и они оказались на берегу. Но это был лишь край озера. Его клин. Оно уходило вправо и расширялось там, да так сильно, что противоположный берег едва был виден.

– Там туман, справа, ты видишь? – спросила Юля.

– Я же не слепой.

– И тут прохладнее, – сказала Юля. – Тебе так не кажется?

Георгий пожал плечами:

– Да по-моему нет. Ты просто впечатлительная.

– Не думаю. Все так, как говорил Трофим Силантьевич.

Они вышли на дикий песчаный пляжик. Несколько бревнышек в стороне, у деревьев, было обращено друг к другу, в центре лежали угли от костра.

Юля и Георгий быстро разделись, пока сюда не нахлынула орда студентов. Юля была в своем черном бикини. Молодой человек засмотрелся на ее округлости.

– Хороша? – улыбнулась она.

– Не то слово.

Они двинулись в воду, зашли по щиколотки, по колено...

– Бодрит! – вырвалось у Малышева. – Озерцо непростое.

Вода оказалась чересчур холодной для озерной отмели. Но такой приятной, освежающей. Хотелось немедленно отдаться этой воде целиком, после жаркого изнурительного дня.

– Это наша голубая лагуна. – Юля зашла по пояс и легла на воду. – Кайф!

Благодать и прохлада объяла ее, и она поплыла. Ее ступни быстро работали у поверхности воды, руки энергично выталкивали воду. Георгий последовал ее примеру и двинулся вольным стилем.

– За буи не заплывай, – бросил он.

– Не буду, – откликнулась Юля и завертела головой. – А где они? Эх! Обманул!

Конечно, никаких буюв тут не было и в помине, но Юле была приятна веселая заботливость Георгия.

– Какой же вода должна быть на середине озера? – плывя рядом с Юлей, спросил он.

– Очень холодной! – ответила Юля. – Вот какой она должна быть на глубине?

– Ледяной!

Они проплыли до середины прогретого солнцем заливчика и повернули назад.

Георгий уже стоял на песке, а Юля едва доставала дна кончиками пальцев.

– Ты на голову выше меня, – сказала она и сделала небольшой рывок к берегу.

Георгий обнял ее там, где вода доходила до ее груди. Юля сцепила руки на его шее.

Коснулась его и внутренне затрепетала.

– Я мечтал об этом весь день, – сказал Георгий и потянулся к ней губами.

– Я тоже.

Но поцелуй долгим не вышел. Их беспардонно окликнули.

– Я все вижу! – это был Курочкин – они с Кашиным как раз выходили на берег.

– А ты нам обещаешь, Пчелкина! – подхватил Кашин. – Ночью-то! Обманщица! Не удержишь слово!

– Я им в морду дам, – сурово произнес Георгий. – Хочешь?

– Нет, не хочу, – с улыбкой ответила Юля. – Они мои одноклассники и просто балбесы. И потом, у них же нет такой девушки, как я? Вообще никакой нет. Вот они и завидуют. Пожалей их, – и вновь потянулась за его поцелуем. – Это и есть твой ответ балбесам, – тихо промурлыкала она в его объятиях.

– А стыд где, Пчелкина? – громко спросил Курочкин. – Где нравственность и мораль? Развратница!

– Я за профессором схожу, – расстроено бросил Кашин. – Пусть полюбуется на любимую ученицу!

– Все-таки я им врежу, – засопел на ухо подруге Георгий.

Но он не успел сцепиться с двумя популярными в студенческом кругу «балбесами» – на пляж вывалила вся честная компания. И скоро пир продолжался на песке, на расстеленных покрывалах.

– А где наша суперсексуальная парочка? – спросила Юля у подруги и соседки Риммы, когда после купания обе лежали на животе, грызли яблоки и покачивали ногами. Георгий в этот момент играл с другими ребятами в волейбол, и Юля поглядывала, как он, высокий, сильный и ловкий, резво передает мяч. – Остались в лагере, что ли? Решили уединиться, пока все тут? Или просто смылись в лесок?

– Ты разве не знаешь? – удивилась Римма.

– А что я должна знать?

Белокожая, немного полноватая, в красном купальнике и солнцезащитных очках, Римма усмехнулась:

– Эх ты, а еще говоришь, что всегда и все замечаешь первой.

– Так что? Не тяни.

– Они и впрямь смылись в лесок. Да только не совсем в лесок.

– Можешь изъясняться на русском языке?

– Могу. В этом самый прикол. Как мне сказали, в полукилометре от Городища есть сторожка. Ну, как охотничья избушка, что ли. Или рыбацья. Четыре на четыре метра. Короче,

заброшенный домик. Об этом проговорился аспирант – помощник нашего Турчанинова. Сторожку называют «домиком любви». Туда ходят уединяться влюбленные парочки. И не только влюбленные. Все, кому хочется побыть наедине. В палатке больно не разгуляешься – все слышно. Берут с собой покрывала, простыни – и в эту сторожку. В эту ночь туда уходили двое с четвертого курса, жених и невеста, из группы Руслана. Они даже с нами у костра не сидели – сразу туда. Ну, а Руслан и Жанна пошли к ним на смену – сразу после обеда и свинтили. А домик, я слышала от аспиранта, чудо! – Римма впиалась в яблоко крепкими зубами. – Запирается изнутри, кстати, – пробубнила она с набитым ртом; ей было трудно говорить и жевать одновременно, но она справлялась. – Уютно, безопасно. Эротично.

– Не поперхнись, – предостерегла Юля. – Эротоманка ты наша.

– Не поперхнусь, принцесса. Да и кого тут бояться? В этом лесу?

– Ну да, – сорвалось с языка Юли, – разве что пары-тройки ведьм.

– Каких еще ведьм? – нахмурилась Римма.

Юля вспомнила, что кроме нее эта тема мало кому известна в лагере. А большинство об этом и слышать не слышали. К своему счастью.

– Это я так, – отмахнулась она. – Тут, говорят, нечистая бродит.

Римма сдвинула очки на лоб и сделала нарочито большие глаза:

– Ты, Пчелкина, в нечистую силу поверила? Со своим трезвым умом? Вот новость! Или шутишь?

– Шучу.

– Тогда ладно, – кивнула Римма и вновь опустила очки. – Но шутка дурацкая. Провинциальная. Я тоже хочу на этот домик посмотреть.

«И я хочу», – решила было сказать Юля, глядя на ловко подающего мяч Георгия, но не сказала. Римма положила огрызок на покрывало, надела белую панаму и распласталась, вытянув ноги. Огрызок оказался у нее перед носом. Подумав, она отвернулась и надвинула панаму на глаза.

– Не выдержу я долго без мужского внимания, – пробурчала девушка. – Засохну, как цветок без воды.

Когда подлетел Георгий, чтобы глотнуть минералки, Юля перехватила его за крепкие пальцы, призывно улыбнулась.

– Пошли погуляем, – тихонько попросила она. – Ото всех подальше, а?

Георгию предложение понравилось.

– Пошли, – кивнул он и, оглядев загоравших товарищей, бросил: – Лосев, подмени! Хочу передохнуть.

Его место на импровизированной волейбольной площадке тотчас занял другой парень.

– Куда ты, блудница? – сонно повернулась к ней Римма.

– Блудить, – пружинисто поднявшись, смело ответила Юля.

– Везучая, – буркнула Римма и отвернулась.

Когда они отошли от пляжа, Георгий взял ее за руку. Они не уходили далеко от берега озера, иногда за камышами видели, как ребята плескались в затоне и били по мячу. Слышали, как визжали девчонки и мальчишки ржали во всю глотку.

– Хорошо начинается практика, душевно, – искренне вырвалось у Георгия. – Да?

Юля призывно потянула его за руку:

– Еще как душевно. Ты меня в воде недоцеловал. Балбесы нам помешали. Помнишь?

Георгий остановился, привлек ее к себе.

– Помню.

– Так-то лучше, – с легким головокружением вскоре выдохнула она.

Потом они опять двинулись вдоль берега. Проходили мимо камышовых зарослей. И в очередной раз остановились – все для того же. Для столь упоительной близости! И вдруг... замерли, потому что услышали лающий мужской смех – он шел от озера. Прямо из камышей.

– Клюет же, клюет! – торопливо сказал мужчина.

Последовал всплеск. И вновь – грубый лающий смех. За близкой полосой камышей показалась телескопическая удочка.

– Дурёха ты, – сказал мужчина. – Сто раз тебя учил, как надо карася подсекать. Ну, а ты?

– А чо я? – зазвучал над камышами уверенный девчачий голос – и капризно, и вызывающе, и немного в нос.

– А то я, – мягко передразнил мужчина. – Ты его как плотву, а карася надо по-другому. Не вверх, а подрезать – и по воде!

– Так все одно – рыба!

– Всё, да разная! Говорю же: дуреха ты! Вон, объел карася твоего червя. Умный попался!

Там, за камышами, с лодки сейчас рыбачили двое: мужчина и девочка лет одиннадцати-двенадцати. Нашли заводь и таскали себе карасей. Пройди Юля и Георгий дальше по дорожке, то, возможно, увидели бы рыбаков. Там как раз открывалась заводь.

– Я им завидую, – тихонько сказала Юля. – Меня дед в Вольжанске учил рыбу ловить. Мне лет десять было. Я знаешь какая рыбачка?

– Верю, – кивнул Георгий.

Они говорили шепотом, не желая обнаружить свое присутствие. И вновь последовал бурный всплеск. Другая телескопическая удочка взвилась над камышами.

– Эх, папка, а у тебя какой попался-то! – Голос взрослой девочки звучал с завистью. – Как поросся! А как бьется-то, как бьется!

Даже Юля и Георгий слышали, как трещал на крючке вытянутый карась, пытаюсь сорваться, и как теперь он размашисто бьется на дне лодки.

– Так жить карасик хочет, – усмехнулся мужчина. – А ведь точно как поросенок! Как хрюшка. Маленькая хрюшка!

– Отец и дочка, – прошептала Юля. – Деревенская идиллия.

– Точно, – усмехнулся Георгий. – Пошли? Чего подслушивать?

Но голос девочки остановил их:

– Папка, а ты обещал рассказать, как хрюшку зарезать. Помнишь? Чтобы правильно было.

– А не рано тебе? – В голосе звучала ирония.

– А чо рано-то? Самый раз! – возмутилась девочка. – Я уже взрослая!

– Да какая ж ты взрослая, если карася вытащить не можешь?

Отец по-родственному тепло подшучивал над ней, не без удовольствия.

– Так то карась, папка! Он в воде плавает. Поди пойми, чо он себе думает. А ты обещал. Про хрюшку. Говорил, нож очень острый нужен.

– Нужен, и еще какой острый!

– Ну расскажи, расскажи, а то сейчас удочки брошу в воду и утоплю!

– Так они не тонут.

– А я садок отрежу, он железный, потонет. С карасями противными.

– Какая же ты строптивая у меня!

– А вот такая!

– Ладно, ладно, расскажу, – сдался отец. – У нас как раз время для перекуса. Будешь яблоко?

– Давай.

Зашуршал пакет.

– На.

Хрустнуло яблоко, укус был жадным. Девочка громко и сочно зачавкала.

– Утрись, по подбородку течет.

– Да лана.

– Как хочешь. Хрюшку зарезать – не курицу, – особым тоном заговорил мужчина. – Хрюшка, как собака, все понимает. Ученые доказали. Чует все. Заранее. – Его голос далеко разносился над камышами и водой. – Ты ее кормишь и поишь, в глазенки ее смотришь, а она в твои, верит тебе. Она ведь тебе как ребеночек, ты ведь ее сам вынянчил. Иных из соски кормил, пока поросяти были. Говорил с ними.

Юля поймала взгляд спутника.

– Как трогательно, – прошептала она.

– Даже чересчур, – согласился Георгий.

– А у тебя для нее уже ножик припасён, – продолжал рассказчик. – Так вот, свинку надо денек не кормить перед забоем...

– Почему? – спросила девочка.

– Почему? – тихо спросила Юля у своего друга.

– А ты профессионала послушай, – Малышев кивнул на камыши.

– Так надо, – ответил профессионал. – Мясо лучше будет, потому что желудок у свинки очистится. Пусть поголодает родимая. Тут и другой плюс: голодной она за кормом охотнее из хлева выйдет. Ты ведь ее забивать на глазах у других свиней не будешь. Тут такой визг начнется! Они ж все решат, что пришли по их души. И силой из свинарника тащить ее нельзя – все поймет. Всех взбаламутит. Ну так вот, не покормил ты свинку денек, а лучше все сутки, а потом ей под нос миску со жратвой, да повкуснее. И на выход. Вот как мы рыбку ловим. Прикормом, стало быть, выманивай окорок на ножках.

– Прямо передача «Ребятам о зверятах», – поморщилась Юля.

– И свинка пойдет за тобой, – продолжал опытный отец. – А тут у тебя помощник должен быть.

– Помощник? – спросила девочка.

– Да, которого свинка тоже знает, чтобы не волновать ее лишний раз. Видишь ли, дочка, хрюшки ведь умные и все чувят, только до последнего часа и минуты не верят, что хозяин, который так о них заботился, – голос рассказчика стал задушевым, – кормил и поил, сон их берег, сейчас резать их будет. Ну, как свиней прямо! – вдруг мелким смехом залаял он.

– Ой, папка! – покатила девочка. – Ну, ты шутник! А дальше?

– А дальше самое главное. Вывел ты ее за миской. А у твоего напарника в руке топор, да побольше.

– Голову рубить?! Свинюхе?!

И так у нее это получилось искренне, что и отец ее хохотнул, и Юля рот зажала ладонью, чтобы не рассмеяться. А Георгий, сам давясь смехом, прижал Юлю к себе и зашипел ей в темечко: «Тсс!»

– Да нет же, не голову рубить! Какая ты! Заведи ее туда, где ты и прежде свинят бил. Поставь миску перед ней. Сразу свинью зарезать нельзя. Ткнешь ее в бок – она, раненая, понесется по двору, всех еще сама посшибает, если крупная. И вот тут твой товарищ должен не промахнуться; пока свинка ест, он ее обухом топора по темени – бац! – Последовал громкий хлопок, от которого несколько птиц выпорхнуло из деревьев и стрекозы взвились над камышом. Разве что круги не пошли по озеру.

– Ой! – испуганно вскрикнула дочка.

– Вот тебе и ой, дуреха. Оглушить ее надо! А можно и два раза садануть. Или три. И пока свинка обмякла, валить ее нужно на правый бок вам обоим.

– А где же нож-то, папка? Каким резать свинку будешь?! Тот самый, острый!

– А в голенище сапога нож, дочка!

– А-а!

– Вот тебе и а-а!

– Так ты не сказал, что в сапогах будешь!

Кажется, она готова была обидеться, что от нее утаили такую важную подробность расправы над животным.

– А я на закуску оставил. Чтоб интереснее слушать было!

– Какой ты хитрый!

– Такой вот. Ты слушай, дуреха, все ты перебиваешь. Твой подручник левую переднюю ногу у свинки высоко поднять должен, а ты ладонь к ее телу приложить и послушать, где сердце. Тут не ошибешься. Оно у свинёчков, которых забивают, так и выпрыгивает.

– От страха?

– От чего ж еще! – в который раз мелким лаем рассмеялся рассказчик. – Не от радости же! А потом ты ей ребрышки посчитать должен...

– А зачем, папка?

– А затем, что бить нужно у третьего или четвертого ребра, там хрящиков много, вот через них и надо всадить нож. Хрысть! Чтобы ты свинку не намучил, а она тебя. А промахнешься, очнется она от боли, поймет, что убивают ее родители, и тогда всем достанется. На орехи!

Слушая откровение опытного свинобоя, Юля спрашивала глазами: ну, где еще такое услышишь?

– Сельские жители, – тихонько усмехнулся Георгий. – Простые нравы.

– Ну что, заморили червячка? – спросил заботливый отец. – Будем дальше рыбку ловить?

– Ага, будем, – откликнулась дочка. За камышами вновь поднялась удочка. За ней вторая. – Моего-то червячка съели небось давно.

Юля взяла спутника за руку: пора было уходить.

– Папка, а теперь расскажи, как хрюшку на куски разделить, – снова раздался голос дочки.

Юля перехватила взгляд Георгия, покачала головой: мол, радиоспектакль продолжается. Георгий кивнул.

– Ну, папка, – продолжала девочка, – как надо, чтоб по кусочкам-то. Правильно чтобы. Туда тот кусочек, сюда этот.

– Это в следующий раз, – ответит мудрый учитель.

– Пошли? – тихонько спросила Юля. – Только обратно. Не хочу, чтобы они нас вдруг увидели на дорожке. И вообще гулять расхотелось.

– Ага, – кивнул Георгий.

Они уже двинулись назад.

– Папка, а когда мы-то с тобой свинок заведем? – спросила из-за камышей девочка.

Юля и Георгий замерли.

– Когда карасей научишься ловить. У тебя ж опять клюет, – поспешно сказал отец. – Ну, подсекай, да не рви ты! Вот дуреха!

Над камышами стрелой взвилась удочка.

– Я, папка, щас садок-то обрежу и утоплю, будешь так орать на меня, – строго заметила девочка.

– Будут тебе свинки, будут, – тепло усмехнулся отец.

– Ну ладно, папка, уговорил. Не буду топить садок.

– Пошли, – теперь уже Георгий потянул Юлю за руку. – Надоели мне эти живодеры. – Он уже готов был идти обратно.

– Папка...

– Ну?

- А ты наших ведьм не боишься?
Юля в который раз перехватила взгляд спутника.
- «Наших»! – горячо шепнула она.
- А чего их бояться? – не сразу ответил вопросом на вопрос отец. – Кто их не трогает, того и они не тронут. Ты карася давай лови. Про ведьм она вспомнила. Они сами по себе, а мы сами. Вот и весь сказ.
- Интересно, папка, что эти землеройки городские еще надут под холмом?
– Археологи-то?
– Ну да. – И Юля и Георгий вновь замерли – рыбаки буквально не давали им уйти с места. – Все ездят и ездют, роют и роют. А помнишь, ты меня на тот холм еще крохой брал?
– Как не помнить – помню.
– Как учил меня землю слушать.
– И это помню.
– Говорил ты, что с детства знал, что там живет кто-то.
– Какая память у тебя, а? Вот ведь.
– И в пещере мы были. А мужичок-то страшный! Того и гляди оживет да прихлопнет.
– Вот ведь придумала! Если кого он и прихлопнет, так чужака. Своего не станет.
– Это какого такого своего?
– А вот такого.
– Вот все ты темнишь, папка! Точно я маленькая. – Она понизила голос. – Я ухо-то к горе прикладывала и слышала, как звал он меня!
– Да ну?
– Ага. Только я тебе тогда не говорила. А он шептал...
– И что он тебе шептал, идол-то?
– «Щи научись варить, дурёха – шептал он, – на полном серьезе поделилась она, – в хозяйстве пригодится».
– Это я тебе всегда твердил, дуреха ты!
Девочка грубо, совсем не по-детски, засмеялась.
– Верно, это ты говорил! Из-под земли-то мне другое шептали: «Крови хочу, крови!»
– Не мели, а?
– А чего не молоть? Сама слышала!
– Ключет у тебя, дуреха!
Одна из удочек взвилась над камышами.
– Сошла! – разочарованно выпалила девочка.
– А ты болтай побольше! А за поплавком галки следить будут!
– Ладно уж, буду следить. Мне Варвара вчера малинки насобирала, – заговорщицким тоном сообщила она. – И про дом наш опять спрашивала...
– У Варвары глаз чересчур острый, – многозначительно предупредил отец. – Выколоть бы один!
Юля потянула Георгия за локоть:
– Пойдем.
Тот сделал шаг в сторону, и под его ногой громко хрустнула ветка.
– Черт!
Но выругался он чересчур громко.
– Там вроде на дорожке есть кто-то, – вдруг сказала девочка.
– И я слышу, – отозвался мужчина. – Эй, кто там?! Кто подслушивает?! – У девочкиного отца даже голос изменился, стал резким, угрожающим: – Вот я выберусь-то из лодки!
– Встреча с мясником не входит в наши романтические планы, – бросила Юля и потянула за собой Георгия.

Молодые люди поспешили по тропинке назад.

– Неужели всех свинок вот так? – по дороге спросила Юля.

– А ты как думала? Грудинка и окорока сами рождаются?

Юля тяжело вздохнула:

– Теперь буду есть отбивную и мучиться. Или вообще не стану есть мясо. Перейду в вегетарианцы.

– Ну-ну.

– Идем к нашим, там хоть повеселее, – предложила Юля. – Вечером вдвоем нагуляемся.

– Идем, – согласился Георгий.

Они поспешили к своим.

– А местные-то про ведьм не забывают, – заметила Юля.

– Они в плену своих предрассудков, – скептически отозвался Георгий. – Аборигены!

Вскоре удары по мячу стали близкими, взрывами покатылся над озером и пляжем смех.

– А как насчет девочкиной фразы? – поинтересовалась Юля, когда дорожка вывела их к малометражному пляжику, тесно оккупированному студентами. – «Крови хочу, крови». Выдумала?

– Об этом кургане столько уже наговорили, могу себе представить! И написали тоже. Как местным об этом не знать? А девочка впечатлительная! Дура, попросту говоря.

– Озеро с русалками и пропадающими в округе людьми – раз, остров с ведьмами – два, – Юля загибала пальцы, – курган со страшным богом, которому нужны кровавые жертвы, – три. Она хотела добавить: «И приведения, которые подходят по ночам к лагерю археологов, – четыре. Не многовато ли, а?» Но не успела.

– Предрассудки и глупости, – категорично заключил скептик Георгий.

Студенты купались и бесились до наступления темноты. Попутно допили все, что у кого оставалось после двух дней загула. Вернулись уморенными и бесконечно счастливыми.

Когда стемнело и все разбрелось по домикам, Юля и Георгий еще долго обнимались за палатками. Георгий что-то хотел сказать, но стеснялся и мучился.

– Ну, говори, – ему на ухо шепнула Юля.

– Хочешь, отыщем одну палатку на двоих? – предложил он. Это вышло так непосредственно – взволнованный крик его души. – Хочешь? – повторил Георгий.

– А мы не торопимся? – ответила Юля вопросом на вопрос.

– Думаешь, торопимся? – смутился он.

– Все хорошо, – прошептала Юля. – Я тоже хочу одну палатку на двоих. Но я не хочу это делать перед носом у Курочкина, Кащина и других друзей и подруг. Мы же не обезьянки в зоопарке? Как ты думаешь?

– Нет, не обезьянки, – засмеялся Георгий. – Я думал взять палатку и уйти куда-нибудь. Вечером. Незаметно. Подальше уйти. Где нас не найдут.

– А это идея, – прижимаясь к кавалеру, кивнула Юля. – Класс. – Разговор про домик, где спят охотники, а студенты предаются любви, не выходил у нее из головы. – Ладно, завтра подумаем.

– Спасибо, – с великой нежностью и чувством поблагодарил Георгий.

– У меня будет к тебе просьба...

– Да? – обнимая девушку, он готов был достать и луну с неба.

– Я хочу завтра рано утром вернуться на озеро, но не сюда, где этот пляж. А дальше, выйти так, чтобы оказаться напротив острова. Хочу рассмотреть его в бинокль. Помнишь тропинку, ведущую направо?

– Еще бы.

– Вот для этого нужно идти по этой тропинке.

– Ты уверена?

– Почти. Интуиция.

– А-а!

– Не смейся. – Юля стукнула кулачком в грудь Георгия. – У меня интуиция, как у кошки.

Фр-р! – Она провела коготками по его груди. – Это правда.

– Будем надеяться.

Скоро они попрощались. В эту ночь студенты-историки спали как убитые. Праздник, работа и отдых сморили даже самых беспокойных и буйных. Тем более, что начинались трудовые будни археологов. Да, были несколько человек в лагере, которые не могли сомкнуть глаз и думали, думали, что-то решали, но эти люди в сравнении с большинством в счет не шли. И потом, кому есть дело до безнадежно влюбленных?

Глава вторая Туман над водой

1

Юля и Георгий вышли на рассвете, когда лагерь еще спал, обогнули городище и устремились по знакомой дорожке. Они экипировались для короткого похода. Надели курточки и кепки, ведь им предстояло идти через лес. Георгий взял рюкзачок, оба вооружились биноклями и походными ножами. Через десять минут они вышли к лесной развилке. Налево по тропинке через лес (будет) уютный пляж на берегу заводи, где они отдыхали вчера после трудов праведных, и стали невольными свидетелями диалога отца и дочери за камышами.

Но теперь им было направо...

Они шли по незнакомой территории, иногда преодолевая препятствия; им приходилось продирается сквозь заросли кустарника, убирать от лица ветки, а то и спасаться от хлестких ударов. Над головой хищно кружило и каркало воронье. Несомненно, это они разбудили птиц. А те думали: не по их ли птичью душу явились эти люди, не за их ли птенцами? Чего в ином случае им понадобилось в этой чаще? Птицы, как правило, плохо думают о двуногих существах.

– Говорят, вороны в моменты крайней опасности нападают на людей, – риторически заметила Юля.

– Да, и заклёвывают насмерть, – кивнул Георгий.

– Видишь, – улыбнулась она, – ты тоже об этом слышал.

– О, да!

– Стало холоднее, или я вновь ошибаюсь? – спросила Юля.

– Просто утро, вот и прохладно, – успокоил ее Георгий. – Выйдет солнце – согреемся.

– До солнца еще дожить надо, – философски заметила его спутница. – В смысле – дойти. –

Она недоумевала. – Неужели не замечаешь перемены?

– Ты внушила себе, что тут должен быть холод. Ведь так сказал «волшебный старик»!

– А-я-яй! – к неудовольствию молодого человека, то и дело вырываясь вперед, покачала она головой.

– Что?

– Мы едва знакомы, а ты уже издеваешься надо мной!

– Ну, прости.

– Не искренне!

– Извини меня.

– Ладно, – вздохнула она. – Меня так легко обидеть! Я такая ранимая! – Юля даже всхлипнула носом. – Как цветок!

Утренняя свежесть и впрямь была чрезмерной. Им казалось, что они то подходят к большой воде, то удаляются от нее. Раздвигая руками зеленые ветви, они ждали, что вот-вот обнаружат желаемое, но лес встречал их все новыми густыми зарослями. Георгий хотел идти впереди, но Юля опередила его – ей обязательно надо было самой прокладывать дорогу. Иначе она не могла!

– Мы идем уже двадцать минут.

– Знаю, – недовольно откликнулась Юля.

– А если эта тропинка вообще ведет мимо озера? – резонно предположил Георгий. – В дикое местечко мы забрели!

– Если через десять минут не выйдем к воде, повернем назад, – сказала Юля. – Но я на тебя обижусь.

– За что?

Ее голос стал капризным:

– Ты умаляешь мою мечту!

– Знаешь, какая ты...

В его голосе звучала ирония.

– Какая?

– Такая!

Она остановилась, поймала его руки:

– Ну, какая, какая? – Юля смотрела ему в глаза.

– Это нечестно, – признался он.

– Что – нечестно?

Она приблизилась к нему, и кепки их коснулись козырьками.

– Брать меня за руку, когда я хочу сказать правду.

– А-а! – рассмеялась она. – Это уловка! Женская хитрость! Но ее могут использовать и мужчины. Говори – какая! Не стесняйся.

– Одержимая, вот какая, – очень серьезно сказал Георгий.

– Да! – Ее зеленые лисьи глаза смеялись. – Но только тогда, когда меня что-то занимает целиком. Понимаешь? – Она отвернулась и пошла дальше. – Вот как сейчас! Когда я не могу остановиться! Когда должна увидеть остров, на котором живет нечисть!

Справа от тропинки стал подниматься пологий холм, укрытый лесом. А слева лес поредел и пошла полоса высоченных камышей – выше человеческого роста. Сразу дохнуло сыростью. Камыши уходили далеко, покуда хватало глаз. Из-под ноги Юли выпрыгнула здоровенная лягушка.

– Жаба! – Девушка отпрянула и налетела спиной на спутника. – Гоша, спаси! – она затопала ногами. – Мерзость какая!

– Я – Георгий.

– Я их терпеть не могу, Георгий!

– Надо же, – взяв ее сзади за плечи и прижав к себе, он усмехнулся, – хоть чего-то ты боишься!

– А еще я боюсь змей и тараканов.

– Тараканов, думаю, тут нет, – очень серьезно сказал Георгий. – А вот водяными змеями такие места кишат, уж будь уверена.

– Специально пугаешь девушку?

– Отчасти.

– Смотри, – она указала пальцем влево – на верхушки камышей. – Старик сказал правду: вот он – туман!

– Что ты хочешь от меня услышать? – Георгий снял кепку и почесал темечко. – Да, это невероятно.

Далеко за камышами поднималась пелена. И впрямь, это был утренний туман, но очень плотный, скрадывающий перспективу. Отдаленные вытянутые головы камышей тонули и растворялись в тумане.

– Вода уже близко, – констатировала Юля.

– Ага, – откликнулся ее спутник.

Еще метров через пятьдесят камыши расступились, и они увидели озеро – огромное, раскинувшееся во все стороны. Вязкий утренний туман ковром лежал на водной глади. В этом тумане могли увязнуть даже голоса. Такие вот дикие отдаленные озера ищут странствующие рыбаки, тут они намереваются поймать золотистого карася-гиганта, или великана-карпа, кило-

граммов на пять, который живет уже лет сто в этом озере и смеется над поколениями нерадивых рыбаков.

– Тут и русалки могут быть, и лешие, – убежденно сказал Георгий. – Вот это озеро!..

– А холодно? – спросила Юля. – Теперь ты чувствуешь холод? – Она протянула руки в сторону озера. – От воды так и тянет. Точно глыба льда рядом, а не вода. Как такое может быть? Мне уже зябко, – поежилась она. – Или опять скажешь, что мне кажется?

– Нет, не скажу, – покачал он головой. – И впрямь холодно...

Георгий спохватится, снял куртку и набросил на плечи девушки.

– Спасибо. Как это объяснить с твоей рационалистической точки зрения?

– Понятия не имею.

Оба понимали, что такой холод бывает при стремительном приближении непогоды, когда внезапно заходит солнце и поднимается ветер. Но сейчас солнце только собиралось выйти, сияние нового дня уже разгоралось за их спиной и за лесом, поднимавшимся по холму.

– Заберемся повыше? – предложила Юля.

– Пошли.

Держась за руки, они поднялись на середину лесного холма, где деревья точно расступились перед ними, открыв небольшую площадку с поваленным сухим деревом.

– Вот и наблюдательный пункт, – сказала Юля и, высмотрев удобное местечко, села, – передохнем.

Георгий взглянул на часы. Время для прогулки еще было, но его становилось все меньше. Он тоже сел рядом с Юлей. И оба уставились в бинокли. Туман плотнее стелился над водой. Но скоро за их спиной вышло солнце, и туман стал медленно расходиться.

– Вижу! – радостно сообщила Юля. – Вижу, Гарик!

– Я – Георгий...

– Прости. Больше не буду!

– И я тоже вижу...

Перед ними за пеленой тумана открылся другой берег. Но они не сразу сообразили, что это за берег, что на самом деле до другого берега было далеко и он был наглухо скрыт туманом.

– Это же остров, – пробормотала Юля. – Холодный остров, ведьмино пристанище...

– Точно, это он, – согласился Георгий.

Да, они увидели край земли в середине озера. Край той земли, о которой ходило столько слухов!

– Что мы пытаемся рассмотреть? – спросил Георгий.

– Ты и сам знаешь.

– Что ты хочешь увидеть?

– Признаки жизни.

– И зачем нам это?

– Надо.

– Ответ – супер.

– Ага, – протянула она.

Георгий передернул плечами.

– Замерз?

– Чуть-чуть озяб.

Не отрывая глаз от бинокля, она повела плечами:

– Возьми свою куртку.

– Нет уж.

– Возьми, я оценила твою жертву. И твое щедрое джентльменское сердце. Ну?

– Точно?

– Да точно, точно. Мне не холодно.

Георгий надел свою куртку.

– Стой! – вдруг выпалила Юля.

– Что? Вернуть?

– Нет!

– Да что с тобой?

– Смотри туда, на остров, – подсказала Юля. – Там кто-то стоит... за туманом... правда!

– Кто? – вернув бинокль к глазам, всматривался он.

– Не знаю! Смотри, смотри!

– Где?!

– Правее смотри! На самом берегу!

– Вижу!

Они во все глаза смотрели на другой берег. Туман был точно живой, он стелился над водой, но под воздействием ветра то чуть рассеивался, то сгущался вновь. Да, на берегу острова стояла рыжеволосая девушка. В длинной белой одежде, как в ночной рубашке. Или в саване. Но из-за движения тумана ее было едва видно. Как луна за текущими беспокойными облаками.

И она смотрела в их сторону!

– Ты это видишь? – пробормотала Юля. – Она же сюда смотрит. На нас.

– Ага.

– Ужас какой.

– Даже мне не по себе, – согласился Георгий.

– Точно неживая, – едва слышно сказала Юля. – Жуть...

Над их головой страшно прокаркали несколько птиц. Молодые люди тотчас подняли головы. Над верхушками деревьев кружили с пяток ворон. Как раз над тем местом, где были они.

– И чего разлетались? – спросил Георгий.

– Мы им не нравимся, – констатировала Юля. – Да ладно, не нападут же они на нас. Нет?

– Откуда я знаю, – пожал плечами Георгий. – Может, у них тут священное место? Селото, которое вымерло, Вороньим называлось.

– Это точно, – вспомнила Юля.

И они вновь обернулись к озеру и уставились в бинокли. Но девушки не было, как они ни водили объективами по берегу.

– Она точно была? – спросила Юля.

Георгий ответил не сразу:

– Я в чудеса не верю. Уже говорил. И повторю. Но она была!

– Вот она! – выкрикнула Юля. – Прямо перед нами!

Облако тумана разорвалось, и они увидели ее. Рыжая девушка в белой одежде стояла точно напротив них.

– Господи, да она на нас смотрит, – пробормотал Георгий.

Юля от волнения с трудом проглотила слюну:

– Да! Глаза в глаза!

– Но у нее бинокля-то нет.

– Я не знаю, как это может быть.

– Совпадение?

– Не знаю!

Вдруг девушка отвернулась и стала медленно уходить от берега.

– Фу, – выдохнул Георгий.

– Теперь понял, Фома неверующий?

– Теперь понял. Как приведение...

– Хуже – она живая.

А девушка таяла в тумане. Георгий недоуменно замотал головой:

– Но кто там может жить, на каком-то диком островке? Что она там забыла?

Юля вздохнула:

– Я тебе сразу не сказала. Я и до Силантьевича слышала, что этот остров даже рыбаки оплывают стороной. Говорили про ведьм, что они могут появиться и на нашей стороне. И даже подойти к лагерю...

– Чушь все это! – нетерпеливо бросил Георгий.

– Но ведь и не мираж это был? Согласись.

– Нет, не мираж. Где она появится в следующий раз?

– У нас за спиной, – усмехнулась Юля.

И тут они услышали шорох за своей спиной – и обернулись так быстро, как не оборачивались никогда прежде.

– А не страшно бродить вот так? – спросили у них.

Юля и Георгий подскочили с бревна как ошпаренные. За их спиной на холме, на фоне первых лучей восходящего солнца, стоял черный силуэт. Молодые люди замерли – у обоих едва не оборвалось сердце. Силуэт двинулся вниз – в их сторону. Нет, они ошиблись! К великому счастью. Охотник! Он не спеша приближался. Загорелый до черноты, средних лет, в маскировочном костюме и широкополой панаме-«афганке», с рюкзаком за спиной. И с широким ножом у пояса. В руке мужчина держал ружье с оптическим прицелом.

– Как – так? – ответила вопросом на вопрос Юля. – Вы сказали: бродить вот так.

Охотник, у которого оказались пронзительные светлые глаза, твердые скулы и волевой подбородок с ямочкой, улыбнулся:

– По краешку мира.

В панаме-«афганке» с закругленными вверх полями он походил на ковбоя. Молодые люди переглянулись.

– Почему по краешку? – нахмурится Георгий.

– Почему? – переспросил незнакомец. – За этим туманом, – он кивнул на озеро, – кончается этот мир и начинается другой. Вам разве это не сказали те, кто надумил вас прийти сюда? С двумя биноклями. Не сами же вы решили забраться в эту глушь и высматривать берег острова? Если честно?

– Не сами, – замотала головой Юля.

– Вам должны были сказать, что это может быть опасно. – Юля поймала мимолетный взгляд друга, но оба промолчали. – Вы из Семиярска, конечно? – спросил охотник.

– Мы из Москвы, – ответила девушка.

– Тем более. Пролететь тысячу километров и забраться сюда – не шутка.

– Проехать на поезде.

– Тем более. С чего бы вам это делать?

– Вы сказали, что это может быть опасно?

– Именно так. Хотя это знают немногие.

– Но в чем опасность? – Юля пожалала плечами. – Мы вас не понимаем.

– Вы и впрямь такие несмышленные? – Кажется, охотник и не думал шутить. – Или только дурачите меня? Играете в невинность?

«А этот следопыт проницателен», – подумала Юля. Ведь в ее ответах было и то, и другое. Вопрос только – чего больше.

– Кто вы? – нахмурилась девушка.

Мужчина положил винтовку на плечо.

– Зовите меня просто: Следопыт.

«Класс! – подумала Юля. – Угадала! С первого раза в десятку!»

– Я сказал что-то смешное? – нахмурился охотник, он смотрел на них с долей иронии, и его улыбка сдержанного в эмоциях человека рождала много морщинок вокруг глаз и губ.

– Нет-нет, – замотала головой Юля. – Вы как раз похожи на Следопыта!

– Но и вы, бесстрашные молодые люди, тоже следопыты. С перочинным ножиком, – он кивнул на Георгия, который сжимал в руке походный нож.

На всякий случай.

– Это нож «Гризли», – заступился за свое оружие Георгий.

– Ну, разумеется! – снисходительно кивнул Следопыт. – Простите, молодой человек. – Он явно продолжал иронизировать и не желал менять тон.

– А теперь скажите, почему нам должно быть здесь страшно? – напрямую спросила Юля. – Кого мы должны тут бояться?

– Тех, кто всегда молчит, – многозначительно ответил охотник в «афганке».

Юля кивнула назад:

– Вы же говорите про тех, кто живет на том острове, в середине озера? Их стоит опасаться? Этих женщин?

– Ого! Вы даже знаете, кто там живет. Теперь я уверен, что вы здесь не просто так.

– Так именно их? – спросила Юля.

Загорелый охотник с морщинками у глаз улыбнулся.

– Очень может быть. Как вас зовут, молодые люди? Я должен знать, с кем говорю.

Юля и Георгий сухо представились.

– Вы из новой археологической экспедиции, как я понимаю? – спросил Следопыт.

– Да, – ответил за обоих Георгий, сложил и спрятал нож в карман.

Они молча смотрели друг на друга. Изучали. Юля понимала, что от этого человека для них вряд ли исходит опасность. Напротив, он казался ей союзником. Но почему у нее было такое чувство? Вот вопрос.

– Скажите, товарищ Следопыт, у этого озера и впрямь холодно или нам только кажется? – спросила Юля.

– Вам не кажется, девушка. Тут всегда холодно. И всем.

– Но как такое может быть?

– Загадка природы, – ответил их новый знакомый. – Природная аномалия.

– Вы сами видели хоть кого-то из них?

– Разумеется. И не я один. Когда кого-то из них видят на берегу, это значит, что они собираются переплыть на большую землю.

– Да кто – они? – возмутился Георгий. – Какие-то женщины? Те, которые молчат? Вы это серьезно?! – Он готов был возмутиться загадкам.

– Да, ведьмы Холодного острова. Именно этот остров перед вами, – кивнул Следопыт на воду, туман и едва видную землю. – Остров, окутанный десятками легенд, передающихся из уст в уста.

– Вот прямо ведьмы? – поморщился Георгий. – Как в сказке?

– Именно. Только откуда по-вашему берутся сказки?

– Их три, верно? – не дав ответить на серьезный вопрос, спросила Юля. – Я про островитянок.

– Да. Сейчас их три: старуха, женщина средних лет и совсем юная девушка.

Юля и Георгий в очередной раз переглянулись.

– А был еще и старик? – Юля не спускала глаз со Следопыта.

– Был, он умер.

– Откуда все знают, что он умер? – удивилась Юля. – На остров вы ни ногой! Бойтесь его как огня. Но знаете!

– Знаем, и все... Ну, говорите, кого вы видели сейчас? – спросил Следопыт.

- Рыжую.
- Они все рыжие. Только старуха уже давно седая.
- Значит, последнюю, юную.

Следопыт кивнул:

– Так бывает. Если кто-то из них появляется на берегу, это значит, им нужен кто-то. Особенно если вы увидите старуху. Так говорят, и уже многие годы.

Юля не поняла:

- Кто нужен?
- Человек.

Георгий зло усмехнулся:

- Человек? Вы это серьезно?

Глядя в сторону озера, Следопыт пожал плечами:

- Так я слышал от своих родителей.
- Но что может понадобиться ведьме от человека?
- Как и во все века: его сердце, его жизнь. Его душа, наконец.
- Странно вы говорите, будто бы точно знаете, что все это правда, – вдруг со всей искренностью заметила Юля. – Слово вас это коснулось лично...

– А меня это и коснулось лично, – вдруг, и тоже совершенно искренне, ответил Следопыт. – Да так, что ближе не бывает.

- Расскажите, – попросила Юля, но замялась. – Или... не можете? Не хотите?

– Не хочу, сейчас не хочу, – кивнул он.

– Нам пора возвращаться в лагерь, – заметил Георгий.

– Да, нам пора к завтраку, а потом на работу – будем вгрызаться в землю. Ради этого мы здесь. И нам лучше не опаздывать.

– Идемте наверх, я покажу вам светлую дорогу до вашего лагеря, – сказал Следопыт. – И легкую – не через камыши!

Это предложение обрадовало молодых людей. Юля оглянулась на остров: в первых лучах солнца туман вокруг него стал прозрачнее. Так хотелось покараулить, подождать! Увидеть остров целиком! Вдруг они разглядят избушку на курьих ножках? Но будет еще время, трезво решила она.

Втроем, они поднялись наверх, где за полями и рощами, заливая восток золотисто-розовыми лучами, вставало солнце. И двинулись в сторону лагеря.

- Вы – местный, товарищ Следопыт? – спросила Юля.

– Был когда-то, – ответил он. – Очень давно. Я уехал учиться в Семиярск и там остался. Тут у меня родительский дом.

- Значит, вы знаете многое о своем крае, верно? – не унималась любопытная девушка.

– Достаточно.

– Так вот, мы знаем, что тут пропадали люди – в разные года, и много.

– И это правда, – кивнул их вооруженный спутник.

– И это как-то связано с теми, кто живет на острове?

– Несомненно.

Георгий не вытерпел – выстрелил коротким смешком. Его раздражало такое серьезное отношение к мифологии, к преданиям веков минувших.

- Молодой человек мне не верит?

– Он – скептик, – махнула рукой Юля. – Я вам верю. А как долго они живут на этом острове?

– Хороший вопрос! – вновь кивнул Следопыт. – Очень давно, девушка. Очень. Этот остров то затихает на десятки лет, то оживает вновь. Они словно возвращаются туда, где жили испокон веку. Их изгоняли, еще в восемнадцатом веке, и в семнадцатом пытались истребить, я

изучал их историю, остров пустел, но потом оживал вновь. Вновь там загорались костры. Никто из нормальных людей не отправился бы туда жить, разве что сумасшедший. И люди из окрестных сел всегда знали, кто вернулся на остров. Потом проходило полвека, собиралась огромная ватага, с вилами, ружьями и топорами, их изгоняли вновь, кого-то даже сжигали. Одно или два поколения местных жителей существовало спокойно, вновь только предания напоминали о хозяевах Холодного острова. Все забывалось, а потом они приходили вновь. И остров обжигался заново. Их словно тянуло туда!

– Их? – негромко пробормотала Юля.

– Ведьмаков и ведьм, – наконец-то он назвал этих изгоев своим именем.

– Невероятно, – пробормотала Юля.

– Еще как невероятно. Но увы, это правда. В тридцатых годах прошлого века, якобы по доносу о заговоре и вредительстве, жителей Холодного острова вывели, и они сгинули где-то. Но после войны они вернулись, как говорил мне дед. Тогда там и поселился отец того ведьмака, который умер недавно. Он брал себе жен, откуда, мы не знаем, но... женщины, бывало, пропадали в округе. В радиусе ста километров. Совпадение? Нет? Я говорю только то, что слышал от своего деда и бабки, матери и отца. Одну женщину долго искали ее родные, а потом ее, или похожую на нее, якобы увидели в этих местах. Ее окликнули, но она убежала. Больше ее не встречали. Ведьмак – это средневековый гипнотизер, девушка, – Следопыт обратился именно к Юле, – он может заговорить понравившуюся ему женщину, если она гипнабельна, конечно, ввести в транс, околдовать, подчинить и увести за собой. Сделать из нее служанку, сексуальную рабыню, наемного убийцу. Кого угодно! Не знаю, что правда и что ложь насчет этих ведьм, но все в округе живут в постоянном беспокойстве.

– И власти ими не интересовались?

– Они называли себя отшельниками, знахарями, травниками. Но кто знает историю, тот знает и другое: кем во все века были эти знахари и травники. Специалисты по заговорам и наговорам, ворожбе и хитрым ядам. Те, кто противопоставлял себя воле Божьей. Ведьмаки и ведьмы. Разве что каждый из них был разной силы. Насколько я знаю, те, кто жил на Холодном острове, обладали огромной силой. А молва только помогала им. Разносила о них легенды.

– Как интересно! – не удержавшись, воскликнула Юля. – Правда, Гоша?

– Я – Георгий, сколько раз тебе говорить? Очень интересно! Для детей младших классов. – Он тоже иронизировал, платил охотнику той же монетой – и за его снисходительность, и за слишком серьезное отношение к сказкам.

Но Следопыт с прежней снисходительностью пропустил его реплику мимо ушей.

– Вы что же, едва знакомы? – вместо этого поинтересовался он. – Имена друг друга путаете...

– Это она путает, – кивнул Георгий.

– Да нет, просто я пытаюсь сократить его имя, для легкости произношения, а он не поддается.

– Вот в чем все дело?! – вспыхнул молодой человек. – Вот почему ты издеваешься надо мной?!

– А ты думал, у меня склероз? – непосредственно улыбнулась Юля. – И я не могу запомнить твоего имени?

– Ну, ты и хитрюга, – бросил Георгий насупился и замолчал.

– Вот заколдую тебя, заговорю, и будешь Гошей на всю оставшуюся жизнь, – пообещала спутнику Юля и тотчас переключилась на охотника: – А в наше время, товарищ Следопыт? Как они существуют? Ведьмы этого острова?

– В наше время? Социалистическая власть в потусторонние силы не верила и за ведьмами не гонялась. Считала их просто тунеядцами и обманщиками, асоциальным элементом. А те и рады были. Хотели казаться странными, не от мира сего, да только от какого? – усмехнулся

Следопыт. – И у них это получалось, кстати. Пару раз власть проводила с ними разъяснительные беседы. Но, кажется, нагнали они на инструкторов жути. От них быстро отстали. Кому хочется связываться с не такими, как все? С дикими? Опасными, почти сумасшедшими?

– Да, – согласилась Юля. – Я бы перешла на другую сторону улицы.

– Но сегодня вы сами пришли на озеро, разве нет? Без приглашения?

– Любопытство, товарищ Следопыт! И желание разгадать этот ребус.

– От некоторых загадок лучше держаться подальше, – помолчав, заметил их вооружённый собеседник.

– Истинно так, – буркнул ему в спину Георгий.

– Надо же, первый раз вы со мной согласились! – усмехнулся всезнающий охотник.

За беседой они вышли на самую настоящую проселочную дорогу.

– Идите по этой дороге и никуда не сворачивайте, – сказал им Следопыт. – Она и будет проходить мимо вашего лагеря – с нее вы увидите край Черного городища и вашу гору. Только не пропустите.

– Вы знаете про наше Черное городище? – удивилась Юля.

– Еще как знаю, – со знанием дела и, словно скрывая тайну, улыбнулся Следопыт. – То еще местечко. Недаром, что ведьмы рядом.

Выглянувшее солнце ярко зажгло округу. Сбросив синюю предрассветную дымку, леса быстро повеселели. В синем прозрачном небе не было ни облачка. А как распевались птицы в деревьях! Юля так и тянула лицо к солнцу. Как цветок! День обещал быть на удивление погожим и теплым.

– Постойте, товарищ Следопыт, вы изучали историю этого края, – спохватилась она. – Сами сказали. Легко говорите о Черном городище. Да кто вы, наконец? Вы что... историк? Вы наш коллега?

– Да, молодые люди, я заканчивал Семиярский исторический. – Он походя сорвал тугой золотой стебелек и прикусил его. – И был одним из первых студентов, кто производил тут раскопки. Но это дела давно минувших лет – это было четверть века назад.

Теперь и Юля, и Георгий взглянули на него другими глазами. Что еще скрывал от них этот человек? Десять секретов? Сто?

Юля задумалась:

– Дело о ведьмах с Холодного острова тянется не одну сотню лет...

– И что, милая девушка? – спросил Следопыт.

– Не может быть, чтобы о них не было фундаментального труда. Тут же тема на целую книгу тянет! Должны быть записи в архивах, и с девятнадцатого, и с двадцатого века, да и с нашего что-нибудь...

– Вы, будущие историки, должны знать, что советская власть либо уничтожала архивы царской России, либо прятала их за семью замками. Ведьмы с Холодного острова были не по политической части, а лишь «предрассудками прошлого времени», поэтому все упоминания о них отправились в топку.

– Но вам-то откуда знать, что все?

– Знаете, молодой человек, у вас очень умная спутница, – улыбнулся Следопыт, покусывая золотой стебелек.

– Убеждаюсь в этом с каждым часом, – согласился Георгий.

– Вы правы, Юля, не все воспоминания уничтожены. В областной библиотеке Семиярска работал один чудесный старик, Феофан Феофанович Позолотов, мой учитель, он всю жизнь посвятил Холодному острову и его обитателям. Ну, конечно, в нерабочее время. Его даже чудачком считали. Это в лучшем случае. А в худшем – просто сумасшедшим. В советское время нельзя было афишировать свое приятие потусторонних сил. Позолотов по крохам сведения добывал. По крупицам! Но я-то знаю, что с головой у него все в порядке было. Получше, чем

у многих. Его труд на целую книгу и тянет. Там много чего, и не только про наших ведьм. Пример на примере! Но в центре – ведьмы Холодного острова. Потом его ушли на пенсию. Выгнать такого человека на пенсию и забыть о нем – предательство перед наукой. Запомните это имя: Феофан Феофанович Позолотов.

– Я запомнила, – сказала Юля. – Но зачем нам оно? В смысле, этот человек?

– Кто его знает, – пожал плечами Следопыт. – Он живет на улице Репина, дом сорок восемь.

– А квартира? – с легкой издевкой спросила Юля.

– Восемь, первый этаж, – как ни в чем не бывало ответил Следопыт. – Что ж, молодые люди, нам пора прощаться.

– Мы еще увидимся с вами? – спросила Юля.

– Очень может быть, – ответил тот. – Поторопитесь на завтрак.

– Пока, – сказала Юля. – У меня такое чувство, что мы еще обязательно встретимся.

Следопыт кивнул молодым людям, тут же свернул с дороги и устремился прямо в лес, словно точно знал, что его там ждет. Но, может быть, так оно и было?

– Странный он, – бросил Георгий, когда они прибавили шаг на проселочной дороге.

– Он – загадочный, – поправила его Юля. – А это разные вещи. И скрывает что-то важное. Куда важнее всего того, что он нам тут рассказал. А рассказал он немало. – И тут же вспомнила обрывок их диалога: «Странно вы говорите, будто вас это коснулось лично...» – «А меня это и коснулось лично. Да так, что ближе не бывает». – И это важное – очень личное для него, – добавила она. – Поэтому он не открылся. И ты все время перебивал его!

– Ну уж извини! – с вызовом бросил он.

– Подумаю, – вновь выходя вперед, откликнулась Юля.

Минут через десять они увидели справа от дороги огороженную территорию раскопок. Двое ребят смотрели в их сторону.

– Скажем, что ходили купаться, – вздохнула Юля. – Только бинокли надо спрятать в сумку. А то как-то странно выйдет. Не находишь?

– Однозначно, – согласился Георгий.

Они положили бинокли в сумку, которую он нес на плече. Когда Юля и Георгий подошли к городищу, то разглядели и тех, кто следил за ними издалека. К их величайшему разочарованию – и негодованию, что касалось Георгия, – это были вездесущие Курочкин и Кащин. По их лицам гуляли язвительные улыбки.

– Уединялись? – спросил Курочкин, когда Юля и Георгий оказались в десяти шагах от них.

Юля сжала губы. Георгий превратился в сталь.

– Ну как, все путем вышло? – поддержал его Кащин. – Маху никто не дал?

Два следопыта как раз поравнялись с ними.

– Молчите, уроды, – сжав руку спутника, огрызнулась Юля.

– А подробности? – потребовал Курочкин. – Мисс Пчелкина!

– Очень бы хотелось, – вторил ему Кащин. – И будь уважительнее, – он подтолкнул локтем товарища, – она теперь миссис!

– Кому первому в морду дать? – обернулся Георгий.

Он стоял на дорожке и не двигался с места. Впереди уже открывался лагерь. Было видно, что многие позавтракали и теперь готовятся к трудовым будням. Трое молодых мужчин с вызовом глядели друг на друга. О стычке не могло быть и речи! Юля потянула спутника за рукав:

– Не обращай на них внимания. Они – клоуны.

– Я мастер по карате! – выпалил Курочкин и встал в нелепую боевую позу.

– А я по джиу-джицу! – выкрикнул Кащин и тоже принял диковатую стойку.

– Идиоты, – бросила Юля. – Вот ведь идиоты!

– У них льготное обучение? – спросил Георгий. – По сокращенной программе?

– Да! – ответила она и потащила друга за собой. – В ближайшие два часа они всем расстрезвонят, что теперь-то у нас роман. – Она посмотрела на молодого человека, и в ее зеленых глазах вспыхнули лукавые искры. – Не будем их разочаровывать, правда?

Обеденный стол почти опустел, но несколько сонь еще жевали свою манную кашу. В общем, отсутствие влюбленных на завтраке прошло незаметно. Они успели почти вовремя. Быстро поели. Быстро выпилил свой жидкий кофе. Один из аспирантов, помощник профессора Турчанинова, ударил в гонг – размашисто саданул молотком по старой сковородке. Начался трудовой день. Пора было грызть землю и охотиться за черепками и косточками, гостинцами из прошлых столетий.

– У нас двое отсутствуют, – за спиной Юли прозвучал голос ее подруги. – Две примы наши, гусь да гагарочка.

Пчелкина обернулась. На нее многозначительно смотрела Римма.

– И кого нет?

– А ты догадайся.

– Жанны и Руслана?

– Разумеется.

– Ну, это и понятно, – пожала плечами Юля.

– Они в этом домике пропадают уже сутки.

– Медовый месяц?

– Ага, – кивнула Римма. – Завидую им! До зубовного скрежета, Юлька. Короче, надо мне Игорька Горюнова с четвертого зацепить и сходить с ним в этот «домик любви». Да только Горюнов какой-то стеснительный. Мнетса все. Я его и так и сяк. Мол, придумай, пригласи куда-нибудь, в чисто поле хотя бы. Со скатеркой. Придется все самой делать. У тебя как с этим длинным, с Гошей?

– Он – Георгий, – вздохнула Юля, – и никаких гвоздей.

– Ну, и как у тебя с этим Георгием? Пока только обжимаетесь? Или как?

– Все тебе расскажи, Римка, – отмахнулась Юля.

– А чего такого я спросила? – пожала та плечами. – Подумаешь! Ну так что, он тебя уже полюбил? Позволил? Допустила? Ну, колись, подруга.

Большой подругой она Юле не была. Просто однокурсницей, приятельницей. И не хотела Юля об этом говорить вот так запросто. Грубовата была Римка Скворцова.

– Нет, не допустила. Когда захочу, тогда и случится, – сурово ответила она.

– Я бы ему дала, – с уверенностью кивнула Римма. – В смысле, на твоём месте.

– Иди ты... к своему Игорьку и давай ему, – холодно процедила Юля. – На своём месте.

И пошла работать. Профессор Турчанинов, вместе с учениками вгрызавшийся в грунт, то и дело спрашивал:

– Эти развратники появились?

И в ответ слышал:

– Нет, все еще развратничают.

– А им звонили?

– Сто раз! – отвечали студенты.

– Плохо, – говорил профессор, работая кисточкой. – Для развратников плохо. Если до ужина они не появятся, я их отправлю в Москву. С двумя неудами по практике. Честное слово отправлю. Совесть потеряли и страх.

Руслан и Жанна появляться не собирались. Звонить им перестали. Просто надоело. Тем более работа шла, появлялись новые находки. Одним словом, было не до пропавших любовников. Время перевалило за полдень.

Кто первый из ребят сказал:

– А вдруг что-нибудь случилось, Венедикт Венедиктович? – позже никто и не вспомнил.
– С кем? – ответил вопросом на вопрос пыхтевший у выглядывающего из грунта глиняного черепка профессор. Как человек увлеченный, он быстро переключался на дело всей своей жизни и забывал о житейских заботах.

– Как это с кем? С нашими: с Русиком и Жаннет. Ведь обзвонились им!

И только тут профессор Турчанинов, помедлив и помолчав, разогнулся, оставил кисть.

– Семёркин! Никита! – позвал он своего аспиранта.

Тот немедленно подошел к профессору. Семёркина за глаза называли «Шестёркиным». Тот всегда старался услужить профессору. Но это и понятно – впереди была защита кандидатской.

– Да, Венедикт Венедиктович?

– Вы ведь знаете, где охотничий домик?

– Разумеется, – кивнул Семёркин, интригуяще улыбнулся и снял фартук.

О домике знали все, кто бывал в Черном городище прежде.

– Вот и отлично. Отложите все ваши дела, возьмите двух-трех человек и сходите туда. Мне нужен Руслан Баранников и Жанна Садовникова. Мне все это не нравится. Жанна, конечно, еще та штучка, но не дура же она, наконец? И Руслан тоже не дурак. Конечно, – развел он руками, – если только страсть не ослепила их полностью!.. Дай Бог, если так, – вдруг сорвалось у него. – Но ведь они и на мои звонки не отвечают.

– Малышев! – позвал Семёркин одного из самых серьезных студентов. – Выбирайся из траншеи, Георгий. Пойдешь со мной. И возьми еще пару человек. На всякий случай.

– Можно я пойду с ними, Венедикт Венедиктович? – оказавшись рядом с руководителем, вопросительно сморщила нос Юля.

– Без тебя никак, Пчелкина? – поинтересовался тот.

– Вы же знаете, у меня недюжинные способности к поиску.

– А к чему у тебя нет способностей, Пчелкина?

– Даже и не скажу. – Девушка пожала плечами. – Я талантлива во всем, Венедикт Венедиктович.

– Иди, – махнул он рукой. – Пчелкину возьмите! Она талантлива во всем.

Юля подмигнула из траншеи Георгию. Никто не рвался в спасательную экспедицию. Или почти никто. Искать пропавших любовников по лесам, по долам – что за радость?

– Нас возьмите! – подал голос Курочкин. – С Кашиным!

– У нас нюх на любовь! – подтвердил Кашин и в подтверждение усиленно и быстро задышал носом.

– Возьмете? – спросил Турчанинов.

– Только через мой труп, – отрицательно покачал головой Малышев.

Только тут Курочкин выглянул из траншеи и увидел одного из командиров похода.

– С этим идти?! – брезгливо и с досадой поморщился он. – С этим мы сами не пойдем, – отмахнулся он. – Этот пусть сам ищет. Он у нас Пчелкину увел! Венедикт Венедиктович, можете себе представить? Из-под носа увел девицу! Я уже Юльке и кольцо купил обручальное, – он с горечью потянул носом, – и матушке уже сказал: мол, нашел счастье свое!

Поглядев на них, Турчанинов символически плюнул и двинулся вдоль траншеи прочь.

– И я колечком запасаю, – подал голос Кашин, обращаясь уже ко всем. – Думали как? Втроем заживем! Чин-чинарём все будет! Детишки пойдут гурьбой!

– Красавцы все! – вдохновенно подхватил Курочкин. – О трех головах! Моя, Кашина и Пчелкиной посередке!

Все, кто копался в культурном слое и слушал этот веселый бред, уже ломались пополам от смеха.

– Какие же вы уроды, – покачала головой Юля. – Курочкин и Кашин, на вас пробы негде ставить! Вам надо вазэктомию сделать, чтобы у вас потомства не было!

– Я их удавлю по одному, – очень серьезно кивнул Георгий. – Вот найдем наших, и удавлю. В Москву они не вернутся.

Но вопрос о последнем кандидате в сыщики оставался открытым.

– Возьмем еще Чуева? – предложила Юля.

– Бери, – кивнул Георгий.

– И я пойду, можно? – подняла руку Римма Скворцова. – Юлька, скажи за меня слово своему красавчику!

Юля знала, зачем той понадобился этот поход. Посмотреть на домик. Еще одна девушка, решил Семеркин, лишней не будет. Минут через десять спасательная экспедиция ждала приказа выступить.

– А ты, Скворцова, задерживать их не будешь? – спросил Турчанинов.

– Я, Венедикт Венедиктович, когда надо, как лань.

Профессор с легким сомнением оглядел миловидную дебелую студентку в шортах, купальнике, шляпе и темных очках.

– Как лань, говоришь? Ладно, иди. Только вы не потеряйтесь, – провожая ребят до края лагеря, говорил своим ученикам профессор Турчанинов. – Ради бога, ребятки. Не нравится мне это все, совсем не нравится.

2

Никита Семёркин смело вел свой отряд через лес. Дом был в другой стороне от озера и дикого пляжа. Ребята торопились. «Почему никто не берет телефон, ни Руслан, ни Жанна?» – это был главный вопрос, который никому не давал покоя. Может, там сигнала нет, в этом домике? Может, забыли они где-то свои телефоны? Что случилось?

– Ты вооружен? – спросил Чуев у деловитого Никиты.

– Конечно, – ответил тот. – Газовым пистолетом. Венедикт Венедиктович сам порекомендовал.

– А-а, ну раз Венедикт Венедиктович. Тогда ясно.

– А чего ты имеешь против? Кто его знает, что там? – пожал плечами Семеркин, достал из сумки пистолет и покрутил им перед носом у любопытного Чуева.

– А может, мне забыть про Игорька Горюнова? – тихонько спросила Римма у своей однокурсницы. – Чего он тянет? Прямо как не мужик. Может, мне на этого Семеркина перекинуться? Он аспирант – взрослый. Вроде ничего, – кивнула она на предводителя отряда. – С пистолетом. На меня косится. Как думаешь?

– Ты хочешь прямо сейчас на него перекинуться? – поинтересовалась Юля. – Вот прямо по дороге?

– Да ну тебя, Пчелкина. Я с тобой как с подругой делюсь. А ты все язвишь.

– Так тебя оружие возбуждает, Скворцова? – Юля уже не могла остановиться. – У воеврука автоматы, как их, Калашникова, есть. Загляни к нему.

– Ну ты и свинья, – вздохнула Римма.

Юлю понять было можно. Ей хотелось идти рядом с Георгием, лучше за ручку, но Римма этого ей позволить никак не могла. Вцепилась в нее мертвой хваткой. И Георгию тоже хотелось идти рядом Юлей, его принцессой, а приходилось говорить с Семёркиным и Чуевым, до которых ему не было дела.

– Вы идете, Никита, как будто у вас компас в голове, – томно вздохнула полноватая, но очень привлекательная Римма. – И часто вы в эту сторожку заглядывали прежде? Когда учились? В «домик любви»?

Чуев покачал головой: мол, началось! Скворцова вышла на тропу войны! Георгий тут же приблизился к своей принцессе и прихватил ее за руку. Она благодарно сжала в ответ его пальцы. Никита Семеркин чуть покраснел и голосом старшего товарища ответил:

– Да уж бывал! – и тут же, дабы не показаться чрезмерным развратником, добавил: – Как и все другие, Риммочка!

И услышал томный вздох второкурсницы:

– Здорово!

Домик они увидели сразу все – он стоял чуть поодаль от лесной тропинки.

– Надо бы окликнуть их, – посоветовала Юля. – А то неудобно получится.

– Правильно, – согласился Никита Семеркин. – Георгий – оклики их.

– А почему я? – пожал плечами Малышев, ему было неприятно, что им командуют. – У тебя голос, что ли, пропал?

– Тут я отдаю приказы, – напомнил ему Семеркин.

– Я окликну, – опередив новую реплику Георгия, сказала Юля и звонко выпалила: – Жанна! Руслан! Мы идем к вам! Слышите? С нами Венедикт Венедиктович! Если вы голые, оденьтесь! Если чем-то заняты, советую прерваться! Сделайте передышку!

Ребята засмеялись. Ответа не было. Они подходили все ближе.

– Руслан! Жанна! – грозным тоном на этот раз закричал Семеркин. – Вы здесь?! Это не шутки! Отвечайте!

– Вот черт! – вдруг вырвалось у Георгия, и он рванул в сторону крыльца.

Одновременно с ним то же самое увидел и Чуев. А за ним и Юля. Они бросились туда. Предпоследним был Никита Семеркин. И только Римма Скворцова, не снимая солнцезащитных очков, развела руками:

– Да вы что, ребята? Куда вы?

Георгий подбежал первым. У порога лежал Руслан. Его темя было в крови. Светлые волосы спутались и запеклись в буром месиве.

– Боже! Боже! Боже! – повторяла подоспевшая Юля. – Неужели мертв?

– Не знаю, – пробормотал Георгий Малышев.

По голове Руслана, по запекшейся крови, что было особенно мерзко, ползали насекомые.

– Надо его перевернуть, – сказала Юля. – Только осторожно.

За их спинами уже тяжело дышал Чуев. Они аккуратно перевернули его на спину. Лицо Руслана было сплошь в запекшихся кровоподтеках.

– Мать моя родная! – вырвалось у гиганта Чуева. – Да как же это? Руська...

– Эт-то хуже, чем я д-думал, – осипшим голосом, заикаясь, пролепетал аспирант Семеркин. – Профессору эт-то не понравится.

– Это уж точно, – согласился обалдевший Чуев. – Венедикт будет в ауте.

Последней подоспела Римма и тут же истошно закричала:

– Убили! Мама! Убили! – В порыве она закрыла лицо руками. – Руслана убили!

– Заткнись, дура! – сморщился от ее вопля Чуев. – Юлька, забери ее!

Крик Скворцовой и заставил Руслана очнуться. Только прежде его веки долго и конвульсивно вздрагивали.

– Смотрите, смотрите! – воскликнул Георгий.

Руслан открыл глаза, но вряд ли что мог понять.

– Живой! Живой! – радостно закричала Юля. – Он живой!

Все согнулись над ним и затихли. Только тяжело всхлипывала за спинами товарищей Римма.

– Пить, – едва слышно пролепетал Руслан, от спекшейся крови и недостатка влаги губы едва шевелились. Наконец его взгляд сфокусировался на лицах товарищей. – Пить, ребята...

Чуев вырвал из походной сумки флягу, сорвал крышку и приложил горлышко к губам раненого. Руслан глотал жадно, но сил у него оставалось мало. Много часов пролежать на земле с тяжелейшей раной не шутка. Переглянувшись, Никита Семеркин и Георгий Малышев влетели в охотничий домик. Аспирант уже выхватил свой газовый пистолет.

– Кто тебя так? – спросила Юля. – Кто это сделал, Руслан?

– Я не знаю, – едва сумел проговорил он. – Я не помню...

– А где Жанна?

– Кто? – Его лицо исказилось непониманием.

Он и впрямь едва соображал. Почти сразу же Семеркин и Малышев вышли из домика.

– Ну?! – спросила Юля.

Тот же вопрос читался и в глазах Чуева. Римма была близка к обмороку, но никак не падала. Только пошатывалась и поскуливала.

– Жанны там нет, – замотал головой Георгий.

– Не-а, – подтвердил его слова Семеркин.

– А где же она? – спросила Юля.

– Это нам предстоит выяснить, – ответил Георгий. – Вот что, вы сидите здесь, а мы с Никитой обойдем дом.

Они обошли «домик любви» и вернулись.

– Никого, – сказал Малышев.

– Мы обойдем дом метров на сто, – сказал Никита Семеркин. – И вернемся.

– Вначале надо позвонить в лагерь, – посоветовал Малышев. – Что сейчас там начнется, даже подумать страшно...

– Это сделаю я, – согласился с ним аспирант Семеркин, набрал номер профессора Турчанинова и сказал тяжелые, но правдивые слова: – Венедикт Венедиктович, это Семеркин. Нет, все плохо. Руслан Баранников едва жив, голова разбита, думали, что мертв. Ничего не сообщает. Может, с крыши упал, я не знаю. Но Жанна Садовникова пропала. Нет нигде. Я не шучу, Венедикт Венедиктович, да, и не пьян. Собирайте команду, берите носилки, санитару – и к нам. Ждем. Да, и позвоните в полицию. Лучше это сделать вам. – Он приземлился на порожек дома. – Я согласен, это кошмар, и ужас, и катастрофа, – кивал он. – Пока не надо полицию? Несчастный случай... Ладно, ждем, – повторил он и, дав отбой, взглянул на товарищей: – Может, и впрямь несчастный случай? Надо Садовникову найти.

– Пошли Жанну искать, – бросил Георгий.

Их крики: «Жанна! Садовникова!» – то приближались, то удалялись. Юля к этому времени омыла лицо Руслана от крови и очень осторожно – голову. Она была разбита, но кость, кажется, осталась цела. Семеркин и Малышев вернулись ни с чем. Все ждали подмоги. К Руслану лишний раз не приставали.

– Слушай, – спросила у нового друга Юля, – ты Жанну хорошо знал?

– Ну, так, – пожал плечами Георгий. – Она из другой группы. Вся из себя...

– Это понятно. У нее был роман с парнишкой с моего потока?

– Я ведь за ней не следил.

– Владлен Сурков? Худенький...

– Возможно.

– Позвони кому-нибудь из своих и узнай. Лучше – девушке.

Георгий кивнул, отошел в сторону и набрал номер. Говорил недолго. Вернулся к Юле.

– Точно, был у нее роман. Именно с Владленом Сурковым. Она его очень быстро бросила из-за какого-то аспиранта с иняза.

– Важная информация, Георгий, – удовлетворенно кивнула Юля.

Вскоре на дорожке, ведущей к охотничьему домику, появился отряд студентов. Впереди вприпрыжку бежал пожилой профессор Турчанинов. С ним соревновался только завхоз экспедиции, а по совместительству санитар – Гребешков.

– Ну, что?! Нашли?! Жанну нашли?! – издали закричал профессор.

Старика едва удар не хватил, когда Никита отрицательно замотал головой:

– Нет, Венедикт Венедиктович, не нашли. Пропала!

– Боже! Боже! – повторял Турчанинов. – А что Руслан говорит?!

– Да он никак в себя прийти не может, – ответил Чуев. – У него травма головы.

– Я пришел... в себя... Венедикт Венедиктович, – лежа на покрывале, пролепетал спортсмен, ловелас и задавала Баранников. – А где Жанна?

– Тише, тише, – увещевал Гребешков, открыв аптечку и начав дезинфекцию раны. – Тебе нужен покой, Руслан...

– Какой тут к черту покой?! Где Жанна?! – Венедикт Венедиктович рухнул на колени перед раненым студентом. – Я тебя спрашиваю, где твоя Жанна?! Ты ее приволок в этот дом! Ну?! Руслан!

Профессору никто не смел перечить. И впрямь, мужчина должен отвечать за женщину, тем более за ту, с которой у него романтические отношения. И тем более, если они на чужой и даже, как оказалось, враждебной территории. По лицу Руслана было видно, что он изо всех сил старается вспомнить, что же с ними произошло.

– Голова кругом идет, – признался он. – Подождите...

Гребешков только и сказал:

– У него сотрясение мозга, Венедикт Венедиктович. Может, подождем?

– Подождем?! – взревел Турчанинов. – Ты видишь рядом Жанну?! Живую и здоровую?! Подождем! Пусть вспоминает!

К ним подошла Юля.

– Вот отчего у него сотрясение, – девушка протянула руку и показала внушительный камень, на котором обильно запеклась кровь.

– Не зря ты пошла с ними, Пчелкина, – кивнул профессор. – Молодец. – Казалось, он глазам своим не верил. – Это ведь надо еще решиться таким камнем по голове садануть человека! Ты должен вспомнить, должен! – взмолился профессор. – Слышишь?! Садовниковой нет с нами! – Профессор подскочил и стал ходить рядом. – И ты ее видел последним!

Гребешков промыл рану, как ни морщился от боли Руслан, как ни стонал, продезинфицировал ее и наложил временную повязку.

– В лагере будем зашивать, – сказал он. – Крепко тебя саданули.

Руслан перехватил руку санитара:

– Стойте, стойте...

– Что, Руслан? – спросил тот.

Лицо и реплика раненого красноречиво говорили сами за себя.

– Что? – остановился как вкопанный профессор.

– Я кое-что вспомнил, – хватило сил сказать Руслану. – Я вспомнил, кто это сделал...

– Кто?! – вырвалось у Турчанинов.

– Кто, Русик?! – взмолился Никита Семёркин.

– Скажите, пусть отойдут, – попросил Руслан. – Это личное...

– Уйдите, все, – строго приказал профессор.

Все отошли, остались только Венедикт Венедиктович и Семеркин. И Юля – она обошла раненого, как будто решила выполнить его просьбу, но встала у изголовья. Посмотрев на профессора, Юля приложила пальчик к губам. Турчанинову лишь оставалось едва заметно покачать головой, что означало: мол, тебя, Пчелкина, в дверь, а ты в окно.

– Говори, Руслан, – сказал он.

– Мы прослышали, что есть домик на стороне, и решили найти его...

– Мы – кто? – кивнул ему Турчанинов. – Ты и Жанна?

– Да, я и Жанна. Утром после попойки, на второй день, мы решили прогуляться и найти его. И нашли. Тут никого не было. Мы зашли, осмотрелись. И решили... ну, сами понимаете...

– Понимаем, дальше, – вновь кивнул Турчанинов.

– Когда после работы в этот день все пошли купаться на озеро, мы собрали шмотки и двинули туда...

– Мало показалось?

– Вроде того.

– Ясно. Дальше.

– Этой ночью, когда мы занимались любовью, я мельком взглянул на окно.

– И что?! – прорычал Турчанинов.

Лицо Руслана, и без того несчастное, словно свело судорогой. Он покачал головой.

– Я подумал, что мне показалось...

– Да говори уже! – возмутился профессор. – Рассказчик!

– Я увидел лицо женщины. Там, в темноте.

– Женщины? – нахмурился Турчанинов.

– Да, Венедикт Венедиктович. Она прошла мимо, потом вернулась и... прилипла лицом к окну. Я не сразу сообразил, что это. Ведь это была особая ночь. Вы понимаете? Только сошлись. Мы были прям...

– Поглочены друг другом? – подсказал Турчанинов и взглянул на Пчелкину, стоящую в изголовье раненого.

Та одобрительно кивнула метафоре.

– Ну да! – живо, насколько ему позволяло состояние, откликнулся Руслан. – Все как в тумане! И тут – такое. Она смотрела на нас! Та, в окне. Я вскочил, закричал: «Там кто-то есть!» Но видение исчезло. Я проверил задвижку. Мы были заперты. Все объяснил Жанне. Но она отнеслась к этому очень просто: «Это кто-то из наших. Извращенцы. Пусть смотрят, если им так хочется. – А потом добавила: – Если это наша глιστα, я ей лично ноги повыдергиваю».

– Какая глιστα? – спросил Турчанинов.

– Вот и я спросил: «Какая глιστα?» А Жанна мне: «Зойка, твоя подружка, какая же еще? – и усмехнулась. – Я вчера с ней имела беседу, – сказала она. – За лагерем. Она бросалась на меня, как дикая кошка. Требовала, чтобы я тебя оставила в покое. Пришлось ее проучить». Не скажу, что эта новость меня обрадовала, Венедикт Венедиктович. Я думал, что Зоя все это давно забыла. Да это и было-то несерьезно. Под этим делом...

Юля поймала взгляд профессора Турчанинова и отрицательно покачала головой, что означало: нет-нет, Венедикт Венедиктович, Руслан ошибается: Зоя Рыбкина ничего не забыла! Я знаю!

Руслан перевел дух.

– Потом Жанна сказала: «Плюнь на них. Идем ко мне».

– Но как твоя голова оказалась разбита?

Руслан с горечью улыбнулся. Но так могло показаться только мельком. Это вновь была точно судорога. Воспоминания не просто причиняли ему боль, они, кажется, вселяли в него ужас. От таких воспоминаний хочется бежать, как из ночного кошмара.

– Я же рассказал не все, Венедикт Венедиктович, это только начало...

– Начало?

– Что-то вроде того.

– Да-а, Русик, наворотили вы делов, – кивнул Семеркин и тяжело вздохнул: – Так что было дальше?

– Говори, Русик, – потребовал Турчанинов. – Говори, ничего не упускай. А как она выглядела, та, что подходила к окну?

– Разглядеть было трудно. Распущенные волосы и, кажется, какая-то рубаха, на ночнушку похожа.

Сделав большие глаза, Юля закрыла рот ладонью. Этот жест не укрылся от профессора Турчанинова.

– Настроение у меня было подпорчено, если честно, – продолжал Руслан, – но Жанна успокоила. Мол, не стоит портить ночь из-за каких-то козлов. Я согласился. В избушке туалета нет, сами понимаете, надо было рано или поздно выйти. Да и не в моих это правилах – сидеть и бояться. Еще через час-полтора я решил выйти. Взял с собой нож и палку... Господи, господа... – Он закрыл глаза.

– Что, Русик? – спросил Семеркин.

– Руслан, говори, – приказал профессор Турчанинов.

– Они нас ждали.

– Они?! Ждали вас?!

– Да, прямо там. У стены! Затаились и ждали. Но ведь ни звука не было! Как они так сумели? Когда я открыл дверь и переступил порог, то получил удар по голове. Меня повело, и я рухнул как будто в пропасть. Я увидел две тени, промелькнувшие мимо меня.

– Выходит, их было двое?

– Как минимум! Они влетели в дом. И я услышал крик – это кричала Жанна. Меня как резануло. Она ведь тоже поняла, что они ждали, когда дверь откроется. Что это за нами пришли. Я даже не думал, что она могла так кричать. Страшно кричать... Господи, они ее словно на части рвали!

Турчанинов затеребил седую бородку.

– Это какой-то бред, какое-то безумие... Что скажешь, Никита?

– Да какой же бред, когда голова у парня разбита, – сказал Семеркин и оглянулся на ребят, стоявших в стороне. Те перешептывались, прислушивались к их разговору. – И Жанны след простыл. Безумие – да, но совсем не бред.

– А потом одно из этих чудищ подошло ко мне, – слабо выдохнул Руслан и что есть силы зажмурил глаза. Вот когда ему захотелось, чтобы все это было только ночным кошмаром, из которого, до смерти напугавшись, можно вынырнуть. Да не тут-то было! – Я кое-что увидел и услышал, Венедикт Венедиктович. Все было как в тумане, но я тогда еще не отключился. Когда они ее выволокли, Жанну, она уже не двигалась, ее как мешок тащили. Потом ее бросили, и одно из этих чудищ склонилось надо мной. Это была женщина, но какая-то угловатая, страшная, и в руке она держала камень. Она уже замахнулась. Меня хотели добить. Но потом я услышал женский оклик: «Оставь его, он мне нравится, симпатичный...»

Турчанинов с трудом проглотил слюну.

– Нравится?!

– Да, одно из них так сказало.

– Но кто тебя мог пожалеть?

– Думаю, та, которая смотрела в окно... Я так думаю...

– Но с какой стати?

– Откуда же я знаю? – Руслан готов был заплакать от бессилия. – А потом она тоже присела рядом и добавила: «Ты его хлопни еще разок, но не до конца». И та, страшная, угловатая, меня еще раз хлопнула. Тут я вырубился.

– Добрые какие, – заметил профессор. – Гуманистки из чащи. Ничего, Русик, ничего. – Он похлопал рукой по груди студента. – Мы тебя поднимем на ноги. А ты их разглядел, когда они над тобой склонились? Какими они были?

– Они были похожи, вот в чем все дело. Обе в длинных рубахах и с длинными распущенными волосами. Кажется, рыжими. Лиц я не разглядел, они были точно в тени...

– Но что значит – он мне нравится? – поглядев на лица Юли, санитары Гребешкова и аспиранта Семеркина, спросил Турчанинов. – Чтобы нравиться, надо знать человека. Или нет? Я понимаю, ты парень видный, но что они могли разглядеть за несколько секунд в темноте? Чтобы ты взял да понравился, а? – Его взгляд устремился на Юлю, но та лишь пожала плечами. – Русик?! – взмолился профессор.

– Понятия не имею, Венедикт Венедиктович, не знаю...

– А потом?

– Они ушли. Думаю, с Жанной ушли. Уволокли ее...

– Господи, – разгибаясь и приложив руку к пояснице, простонал Турчанинов. – Никита, звони в местную полицию. Бей во все колокола. На студенческий лагерь совершено злостное нападение. Один человек изувечен, другой – похищен. Тем более женщина. Пусть сюда приезжают все семеркинские спецы. Мы должны найти Жанну. – Он закрыл и растер лицо ладонями. – Это кошмар! Кошмар... – А когда отнял руки, то увидел перед собой самую активную студентку. – Ну, Пчелкина, выкладывай все начистоту, – не предложил, а потребовал профессор.

– Отойдите в сторону, Венедикт Венедиктович.

– Пошли, – кивнул он.

Несколько ребят провожали их взглядами. Что за секреты между профессором и его ученицей? Пристальной других смотрел Георгий. Они ушли за домик.

– Ну, Пчелкина?

– Во-первых, Зоя Рыбкина до смерти влюблена в Руслана, у них там что-то когда-то было, и на наших глазах с Малышевым она, Зоя, угрожала Жанне, а потом бросилась на нее. Жанна несколько раз ударила ее и даже повалила на землю.

– Жанна избилась Зою?! – сморщился Турчанинов.

– Да. Могу сказать наверняка, что Зоя ненавидит Жанну хуже смерти.

– Пчелкина, – взмолился профессор, – почему ты все время повторяешь слово «смерть»? Влюблена «до смерти»? Ненавидит «до смерти»?

– Потому что это так, Венедикт Венедиктович. Не хотите же вы, как страус, спрятать голову в песок и укрыться от реальности?

– Последи за языком, Пчелкина, – вздохнул он.

– Послежу. Есть еще молодой человек, Владлен...

– Сурков?

– Наверное, он ненавидит уже Руслана, потому что влюблен в Жанну.

– Тоже до смерти?

– Очень возможно. Я видела только его глаза. Он готов на многое!

– Ох, безрассудная молодость! – вздохнул профессор Турчанинов. – Шекспировские страсти!

– Но все это – присказка. В день приезда я стояла на женской стороне умывальника и случайно подслушала ваш разговор с кандидатом наук, Евгением. Уж не помню его фамилию. Он уехал в первый же день...

– Ну, и?

– Про женщину в белой одежде, которая подходила ночью к лагерю.

– Ты шутишь, Пчелкина?

– Так вышло, Венедикт Венедиктович, простите.

– И ты не могла выйти или подать голос?

Юля поморщилась:

– Женское любопытство, что поделаешь.

– Так, дальше.

– А дальше я разговорила Трофима Силантьевича на интересующий меня предмет; сказала, что пишу об этом крае, сослалась на вас, соврала, что вы именно мне разрешили рассказать о ведьмах Холодного острова.

– Ты издеваешься надо мной, Пчелкина? – обреченно произнес Турчанинов. – Я ему сказал, чтобы он забыл про эти небылицы...

– Даже не думала издеваться. Просто так вышло. И я вытянула из Трофима Силантьевича всю эту историю в подробностях. Честно скажу: занятно. Сегодня утром, на зорьке, мы с Георгием отправились к озеру, но не туда, где пляж, а дальше по берегу. Через камыши и лес. Мы взяли с собой бинокли. И я даю вам честное слово, господин профессор, мы оба увидели на берегу острова, в тумане, девушку с распущенными рыжими волосами, в длинной белой одежде.

– Это шутка, Пчелкина? – На профессора жалко было смотреть. – Скажи, что ты пошутила, девочка?

Юля отрицательно покачала головой:

– Увы, Венедикт Венедиктович! Но и это еще не все.

– Еще не все? Какая ты умница.

– Нет. Она переместилась за этим туманом с одного места пляжа на другой. Стояла в стороне – и вдруг уже напротив нас. Как, мы не успели заметить! Стоит и смотрит! Представляете? А ведь это у нас бинокли – у нее-то ничего не было. Мы еще пошутили: а вдруг она сейчас за нашей спиной окажется? А потом мы слышали за нашей спиной шорох...

Профессор Турчанинов взялся за сердце.

– И что дальше, Пчелкина?

– Это был Следопыт.

– Следопыт? Как у Фенимора Купера?

Юля кивнула:

– Охотник. По крайней мере, он так нам представился. С ружьем ходит и с ножом. С огромным таким тесаком. Вот он и рассказал нам историю ведьм Холодного острова. Как они исчезали в разные века, а потом опять возвращались на свой остров. И как пропадали в округе люди, и пропадают до сих пор. И еще сказал, что когда ведьм часто видят у берега озера, это значит, что они скоро переплывут на большую землю. А переплывают они для того, чтобы пополнить человека.

– Это как так – человека?

– Ну, я думаю, жертву.

– Ты пытаться людей не пробовала, Пчелкина?

– Пока нет. Так вот, Венедикт Венедиктович, скажу честно: в колдунов и ведьм я не больно верю. Фильмы ужасов не люблю. Так что придумать лишнего себе не могла. И если бы я была абсолютной рационалисткой, то сказала бы: иные злодеи – отличные мистификаторы. Хотим мы того или нет, но описание налетчиц, назовем их так, на охотничий домик один в один совпадают с описанием ведьм Холодного острова – это раз, и с той молодой женщиной, которую я своими глазами видела сегодня перед рассветом и видел Георгий Малышев, – это два.

Профессор Турчанинов озабоченно почесал нос.

– А что ты сама думаешь по этому поводу? Если копнуть глубже.

– У меня две версии.

– Говори.

– Если бы я была Фомой неверующей, то, конечно, сказала бы: на Руслана и Жанну напали те, кто хорошо знал об этой легенде, я говорю про ведьм, и кто специально вырядился именно так, чтобы сбить нас с толку.

– С твоим незаурядным умом, Пчелкина, надо было в прокуратуре работать.

Юля интригующе прищурила лисьи глаза:

– Но я не абсолютная рационалистка. И не Фома неверующий. Даже Георгий – и тот скажет вам: с этим островом не все так просто, Венедикт Венедиктович. Можно было бы искать самых обычных злодеев и маньяков, если бы не девушка в белом, за туманом, на Холодном острове. С распущенными рыжими волосами. То ли человек, то ли призрак. Она у меня не выходит из головы.

Из-за домика вышел и заторопился к ним Никита Семеркин. За ним следовал десяток студентов.

– Венедикт Венедиктович! К нам едет полиция! – крикнул Семеркин. – Следователи, сыскари с собаками! Скоро будут здесь!

Окружив профессора, все переглядывались.

– И это все? – спросила Юля.

– Что – все? – захлопал глазами Семеркин. – Я тебя не понимаю, Пчелкина.

Турчанинов мял подбородок, его сокрушенный вид и несчастные глаза говорили сами за себя. Кажется, он ждал помощи именно от своей любимой ученицы.

– Что нам делать все это время, сидеть сложа руки? – спросила Юля. – Венедикт Венедиктович? Никита? Надо разбиться на группы и отправиться на поиски Жанны.

Все, кто слышал Юлю, согласились: время дорого – надо искать самим. И не в ста метрах от домика. Ребята разделились на четыре группы. Первая осталась с раненым Русланом, три другие выдвинулись в разные стороны. Поскольку Юля предложила открыть поиски, она и сказала:

– Моя группа пойдет вот по этой тропинке, – и указала пальцем на едва заметную дорожку, ведущую вправо от домика. – Кто со мной?

– А кто тебя назначил старшей? – с вызовом спросил Семеркин.

– Я назначил, – за Юлю ответил Турчанинов.

– И когда?

– Только что. Бери, Пчелкина, в свою группу всех, кого захочешь.

Первую группу возглавил сам профессор, вторую – Семеркин, третью – Юля. Четвертую, которая осталась у домика, санитар Гребешков.

– Место сбора у домика через полтора часа, – сказал профессор. – Не задерживайтесь! И не пропадайте!

С Юлей вызвались идти ее друзья – Малышев и Чуев, а еще напросилась Римма.

– Я не буду пугаться, Юлька, честное слово! – упростила она подругу. – Не могу я тут оставаться, на месте преступления, я молчать буду! Только стонать чуть-чуть, можно?

– Можно, но только чуть-чуть, – согласилась Юля.

– Ты ведь не просто так выбрала эту дорожку, верно? – когда они шли через лес, спросил Георгий.

– Пчелкина никогда и ничего не делает просто так, – заметил гигант Чуев. – Пчелкина – прирожденная охотница. Если она куда-то идет, значит, видит добычу.

– Не выдавай всех моих секретов, Саша, – совершенно искренне попросила Юля. – А то ему будет неинтересно.

– А куда ведет эта тропинка? – поинтересовался Чуев. – Постой-ка, Пчелкина, дай я догадаюсь... К озеру?

– Именно, – кивнула та.

Тропинкой этот путь можно было назвать только условно. Намек на дорожку, по которой время от времени ходили обитатели этого домика, не более того.

– Ты тут уже была? – спросил Георгий.

– Откуда? – усмехнулась Юля. – Я вообще впервые в этих местах.

Иногда они проходили через густые заросли и теряли дорожку.

- А ты нас не заведешь прямо к ведьмам? – плаксиво поинтересовалась Римма.
- Ты обещала не ныть, – не оборачиваясь на нее, ответила Юля.
- Я не ною – я интересуюсь.
- Будешь хныкать – оставим тебя здесь, посреди леса. Еще и к дереву привяжем.
- Злая ты, Пчелкина, – бросила ей в спину Римма.

Она только и делала, что уворачивалась от хлестких веток, от прозрачной лесной паутины, комаров и разнокалиберных жуков, летавших тут в изобилии. Отряд пробирался через лес уже минут двадцать. Рима злорадно молчала. В глубине души ей хотелось, чтобы Юле досталось. И когда уже мужчины готовы были усомниться в затеянном, они разгребли последние ветки и вышли все к тому же озеру, но на другом его участке, еще к одному затону и камышам. Пляж, где они купались всей командой, и тем более место, где они встретили Следопыта, были намного правее. Тут и берег был другой – сырой, илистый, непригодный для отдыха. Разве что для рыбаков. Справа разлеглась огромная черная коряга, похожая на вытасченного из морской пучины гигантского осьминога, которому тысяча лет и который давно высох и окостенел на берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.